

Наталья Новохатская

Крымский бык

третья книга из серии
«Гобелен с пастушкой Катей»

Наталья И. Новохатская
Гобелен с пастушкой Катей.
Книга 3. Критский бык

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54778126

Критский бык:

ISBN 978-0-3694-0116-8

Аннотация

В самой середине 90-тых годов прошлого века жизнь приобрела странные очертания, произошел транзит эпох, а обитатели осваивали изменения с разной степенью успешности. Катя Малышева устраивалась в транзитной стадии тремя разными способами. Во-первых, продолжала служить в издательстве «Факел», хотя ни работы, ни денег там почти не наблюдалось. Во-вторых редактировала не совсем художественную беллетристику в частных конторах, там и то и другое бытовало необходимым для жизни количестве. А в третьих, Катя стала компаньоном старому другу Валентину в агентстве «Аргус». Валентин занимался частным сыском, а Катя решала семейные и личные проблемы для широкого круга недовольных жизнью женщин.

Но однажды старший компаньон призвал Катю на помощь, ему понадобилось провести совсем секретно одно важное расследование. Катя взялась за дело, и результаты не замедлили

проявиться, хотя не все заинтересованные лица были ими довольны.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	62
Глава третья	119
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Наталья Новохатская

Критский бык

© Новохатская Н.И., 2020

© Издательство «Aegitas», 2020

Глава первая

1

Телефон зазвонил так рано, что я сначала схватила трубку, лишь затем стала медленно просыпаться. В открытом окне виднелся сквозь занавеску молочно-туманный свет без малейших признаков солнечного восхода. Машинально глянув на часы, я убедилась, что шести ещё нету и сказала в трубку с полным правом.

– Разбудил, так разбудил, теперь объясни зачем, извинения я уже слышала.

– Ты, дитя моё, что-то нелюбезна сегодня, – заметил старый друг и старший компаньон Валентин. – Наверное, за счет недосыпания, поэтому я не приму близко к сердцу, а сразу перейду к делу. Раз ты проснулась, то прими душ и свари кофейку, я к тому времени как раз подъеду.

– Это зачем ещё? – вопрос был хоть и нелюбезен крайне, зато вполне уместен.

– За что уважаю мою прелестную детку, так это за искренность, ни капли лицемерия в ней, – сокрушился Валечка, но подтвердил намерения. – Дело у нас имеется, может оказаться выгодным, но отлагательств не терпит. Так что до скорой

встречи на твоей территории.

Валентин отключился, я чуть-чуть послушала короткие гудки и вернула трубку в исходное состояние. Затем преодолела искушение заснуть и побрела в ванную комнату принимать водные процедуры согласно инструкции.

Под струями прохладного душа я открыла глаза более основательно и осознала, что меня снова зовут к деятельности. А надо признать, что последние полгода прошли в состоянии некоей спячки. Для меня лично, по крайней мере. Так вышло, что с момента, как пришлось делать новостной блок на радио всю ночь напролет под грохот близких автоматных очередей – такое выпало совпадение случайностей в октябре – всю зиму и вплоть до начавшегося лета в моей жизни основались полная тишь и гладь вплоть до тревожного звона в ушах.

Деятельность на двух работах, вернее, на двух с половиной, вошла в устоявшуюся колею, личная жизнь медленно, но неуклонно шла на убыль, но так плавно, что я даже привыкла, а всё вокруг замерло в ожидании неизвестно чего. Так неспешно наступило лето и наконец принесло какую-то перемену. По крайней мере другу Валечке я потребовалась в большой спешке.

Солнечные лучи уже заиграли в верхушках тополей, и редкие пешеходы показались на углах близлежащих улиц, когда я заметила компаньона Валечку, неторопливо бредущего по переулку к моему подъезду. Валентин двигался пе-

шим ходом, без машины, без поклажи, руки в карманах, белая рубашка расстегнута у ворота.-

Я сидела на подоконнике и поджидала гостя, не столько гадая, что он желает преподнести, сколько пользуясь нечастой возможностью оглядеться утром без суеты и томления духа. На улице было восхитительно. Летняя жара хоть ожидалась, но в столь ранний час не наступила, утренняя свежесть овевала город, а мой тихий переулок вполне сходил за аллею мифического сада. Листья вверху и снизу окна трепетали, просвечивали и шелестели.

– Привет, змей, – я негромко позвала с подоконника подходящего Вальку, ассоциации с райским садиком безусловно не пропали даром.-

Старший компаньон агентства "Аргус" поднял голову, без удивления помахал рукой, разразился фирменной асимметричной улыбкой и проследовал в подъезд. Через пару минут (ушедших на упрямый лифт) звонок весело возвестил о его прибытии.

– Рад видеть тебя в бодром расположении духа, – отметил Валька с одобрением и не удержался, прибавил. – Открой секрет, поделись с моей прекрасной половиной. Она неизменно встречает день кислой миной, а я вроде как во всем виноват. И лет ей столько же, и дел меньше.

– Извини, Отче Валечка, ты кругом абсолютно неправ, – я усадила гостя за кухонный стол, налила ему кофе и с удовольствием развила мысль. – Мы с твоей Мариной в разных

позициях, она с утра начинает думать о вас всех, о тебе, дочке и теще, предвкушает удовольствие от вашего общества. А я ни о чем не думаю, у меня в гнезде никто не питит, ни мама, ни дети. К тому же, сдается, что твоя Марина просто закисла дома – называется сенсорный голод, а по-простому – всё одно и то же. Дай ей куда-нибудь выбраться, а не жалуйся.

– Ну вот, пошло-поехало, дамская консультация в действии, – не преминул пожаловаться компаньон. – Однако, я прибыл вовсе не за этим, как ты, наверное, догадалась. Мне срочно нужны твои услуги, а время не терпит. Сейчас произнесу малый спич, а ты потерпи. Так вот, мы с тобой отлично работаем вместе, ты консультируешь и утешаешь безмозглых дамочек, а я посильно веду частные расследования. До сегодняшнего дня наши пути почти не пересекались, и правильно делали, поскольку я от твоих методов не в восторге, ну да это к слову. Тем не менее ты нужна сейчас, какая есть, со всеми недостатками, мелкими и крупными. Нам на пару поручили проверить дельце по моему профилю и начинать надо прямо сейчас. Вот кофейку попьешь и поедешь.

– Ни в каком случае, – бодро отрапортовала я. – Забудь об этом навсегда. Я очень рада тебя видеть во внеурочное время, но в игры типа "пойди туда не знаю куда, принеси то не знаю что", не играю по определению. Если ты ждешь от меня содействия, то изволь объясниться. Дружба, она, разумеется, дружбой, а служба службой.

– Прости, прелестная крошка, я, кажется дал маху, не учёл твоего душевного состояния, не нашёл должного подхода, – глумливо усмехнулся Валька. – Сдаётся мне, ты где-то порядком ушиблась, а я не знал, извини. Теперь понял, по одному официальному тону голоса. Кто-то тебе накапал на мозги и навешал лапшу на уши, а я теперь в ответе.

Я совсем было собралась обидеться и сказать что-нибудь резкое, но вовремя спохватилась, сообразила, что хитрый компаньон меня провоцирует намеренно. Ждет, психотерапевт хренов, чтобы я на него разрядилась, а далее стала много сговорчивее. Простенькая, но эффективная техника.

– Один ноль в твою пользу, – сказала я вместо отповеди. – Скучно с тобой, всё-то ты знаешь. Однако исповедоваться я стану чуть позже, если не возражаешь, а сейчас расскажи наконец, что привело тебя к моему порогу в столь ранние часы. Мне даже интересно.

– Хоп-хоп, поехали! – обрадовался Валька. – Детка Катюша, нас ждут великие дела. В особенности тебя лично. Как я понял, ты у нас застоялась, разве что грибы не солишь. К тебе есть порученье крайней степени сложности. Понимаешь ли, очень недавно в одном тихом городском дворике рано поутру обнаружился труп. Чей он был, а так же иные обстоятельства я объясню чуть позже, не волнуйся. Твоя задача нынче заключается в том, чтобы, выяснить, случайно покойник обнаружился именно там, где нашёлся, либо нет. Точнее, следует узнать, не бывал ли он в тех местах при жиз-

ни. Ещё точнее, имеются две равновеликих возможности, а именно... Первая версия гласит, что место обнаружения трупа не имеет отношения к жизни и смерти потерпевшего. Скажем, он забрел туда случайно и погиб, либо его прихватили в другом месте и привезли в тот двор произвольно. Данная тупиковая версия вполне вероятна, хотя ни подтвердить, ни проверить ее нельзя – разве что киллер сознается. Потому мы будем исходить из другой вероятности, с ней можно и нужно работать. Предположим, что покойник там не чужой, и будем выяснять, к кому и зачем он ходил. Сразу скажу, что милиция чуть-чуть копнула, но никто вокруг места происшествия ни в чём не сознался. Правопорядок занёс в протокол и утёрся, принял на вооружение первую версию, тем более, что обстоятельства обнаружения трупа способствовали. Кстате сказать, примечательные обстоятельства, натуральный Хичкок. Представь, что очень ранним утром, вот как я нынче позвонил, во дворе занимается пожар. Ярким пламенем полыхает деревянная горка с бревенчатой избушкой наверху. Горит с треском, явно плеснули бензином. Естественно, зовут пожарных, те приезжают и льют воду на мельницу преступников.

Тут Отче сделал паузу, чтобы я оценила изобретательность изложения, и конечно пришлось спросить.

– Это как? – поинтересовалась я вежливо.

– Весьма просто, мало того, что труп успел обгореть, так его основательно полили из брансбойтов, что не способство-

вало быстрому опознанию. Тело, как ты понимаешь, внесли в резной детский домик, перед тем, как поджечь. С самого начала было ясно, что убили не там, двое в детскую избушку никак не влезут, а самоубийца не станет обливать горку бензином снаружи. Таким образом мы получили плохо опознаваемый труп.

– А кто его нам преподнёс? – я наконец заинтересовалась страшной историей и захотела прояснить заказчика.

– Не перебивай меня, – заявил Валька, но снизошел до ответа. – Кто-кто, конь в пальто! Кто, кроме твоего близкого родича Паши Криворучки? Он самый и есть. Кто отчасти финансирует, тот и заказы дает, попробуй откажись, труп там или не труп. Кстати, тебя именно он приказал привлечь, я бы сам не стал, ей-богу!

– Хватит брюзжать, Отче, Паша, так Паша. Но, как я мыслю, труп у него не простой, – заметила я со знанием дела.

– Ясное дело, что золотой, – охотно отозвался Валентин. – Оpoznали по работе дорогого дантиста и по иномарке, скромненько стояла в двух кварталах, следов насилия в ней не примечено. Дантист подтвердил, что строил мосты тому новому русскому, чей оказался автомобиль. Костя Рыбалов, ты его, скорее всего, не знаешь, а я слышал. Миллионер-идеалист, торговля недвижимостью в больших масштабах, кроме того строительство. Покойный магнат Рыбалов в бомонде не светился, но среди коллег с ним считались, деньги так и липли. Наш общий друг Паша Криворучко водил

с ним деловое знакомство, и подозреваю, что хотел впрячь в свою телегу. Очень уж бурно реагировал твой депутат, когда узнал, что беднягу Рыбалова пришили. Был совершенно сам не свой, тряся от ярости, зрелище на сто миллионов в твёрдой валюте. Потом приказал взять дело и раскрутить до нитки. Твою часть Паша обозначил особо: надлежит обойти местность вокруг горки и тщательно прочесать, не знали кто там Рыбалова и не видел ли раньше. Если не видел никто, то надлежит сообразить, что он мог делать. За что можно зацепиться. Скажем, живет там экстрасенс или кто-то разводит на продажу белых мышей. А мы попробуем приспособить, для чего бы покойному Рыбалову сдались предсказания или белые мыши. Ты рой детально и подробно, всё пойдет в дело. Итак, договорились?

– Хорошо рассказал, Отче Валечка, – похвалила я. – Исчерпывающе и ничего лишнего, высший пилотаж. А легенду для прикрытия дашь, или самой придумать?

– Валяй тривиальное, копаешь материал для развода, – охотно предложил Валентин. – Мол, наняла подозрительная супруга поискать, где муж шляется. Никто не знает, что ты у нас очень гордая и за такое не берёшься. Но изволь прочесывать тщательно, волосок к волоску. Фотку с клиентом дам, имени не называй, сама не знаешь, а карточку и место тебе заказчица указала. Что клиент помер, ты ни сном, ни духом, о сгоревшем трупе тоже ничего не знаешь, учти себе, пожалуйста. Это на тот печальный случай, если вдруг вле-

зешь напрямиком в гости к киллеру, что маловероятно, но не исключено.

– Тогда дай к нему рекомендации, расскажи про заказчицу, чтобы не осрамиться перед киллером. Какая-нибудь жена у покойного имелась?

– К сожалению, нет. Но дело тебе заказала вот она...

Тут на стол легла цветная картинка, некрупный женский портрет, с него мгновенно читалась информация, что личико принадлежит девушке не просто прелестной, но незлой и весёлой. К тому же, несмотря на изящество тонких черт, обладательница богатого образа безусловно тянула в сторону Мерилин Монро и заходила на этом пути куда дальше пресловутой Мадонны.

– Умереть и не встать, – я присвистнула от восхищения. – Кстати, кто она, если не жена?

– Как бы любовница, – охотно пояснил Валька, пользуясь модным присловием почти к месту. – Вообще-то девушка изредка мелькает по телевизору в какой-то программке с раздачей призов. Ирочка Корсакова, все от неё балдеют, но на большой экран не пускают. Рыбалов купил девице квартиру в башне, обставил под дворец и изредка там появлялся. Она-то мечтала замуж, но увы, Костя Рыбалов берег себя для великих дел, то ли ради другой женщины, которую знал в одинокой бедной юности.

– Окстись, Отче! – шумно обрадовалась я. – Это уже пошлый женский романчик о загадочном миллионере! Только не

говори мне, что бедняга погиб, запутавшись в любовных делах, или что надо поискать пропавших наследников, мальчишка, или лучше девочку, растущих в бедности и в неведении.

– Первый приз за полёт мысли, – объявил Валентин. – Но вернись на грешную землю, а остановились мы на Ирочке Корсаковой. Вернее, на том, что она как бы заказала тебе поискать, куда ходил Костя Рыбалов. Ты ищешь женщину или притон разврата, способы расследования оставлены на твое усмотрение, держи мелкую сумму на развязывание языков, желательно повернуть в минимум времени, а начать хорошо бы прямо сейчас. Вот адрес, план и пути подхода. Танцевать будешь прямо от горки, вокруг неё три дома, дальше ходи концентрическими кругами по Веерной улице вплоть до канавки, где брошена машина. Усвоила план действий? Вопросы есть?

– Только самые неделикатные, – сообщила я. – Сколько платят за срочную сверхурочную работу, или Паша дал общественное поручение? Кстати, ты забыл о фотографии Рыбалова, дай пожалуйста, хотя бы посмотреть.

– Отвечаю в обратном порядке, – информировал Валентин. – Вот он бедняга Рыбалов, правда, впечатляет? С оплатой у тебя просто сказка, но пока секрет и сюрприз. Мне, как ты верно заметила, достались общественные поручения от друга Паши, но если сможем угодить, то обещано дивное помещение для головной конторы в аренду почти задаром. Сама жаловалась, что ютимся в тесноте и обиде, я учел.

– Про секрет и сюрприз я запомню, а вот Рыбалова от всей души жаль! Хорошее у него лицо, хотя красотой покойный не блистал, – я поделилась пришедшим соображением. – Знаешь, в нем есть некая грань, очень важная для расследования. Затрудняюсь сформулировать точнее, но вряд ли Костя Рыбалов посещал на Веерной улице притон разврата. Глядя на него, хочется поискать совсем иные побуждения. Согласен?

– Я понял, он ездил по окраинам ночью, чтобы переводить старушек через улицы, богатое предположение, – глумливо заметил Валька. – Хотя и не лишённое оснований. Ныне усопший Рыбалов действительно славился непоказной благотворительностью, тут ты попала прямо в точку. И права, что на Веерной улице следует искать не грязное, а странное. Однако, знай меру, прелестное дитя, не увлекайся скороспелыми выводами. Помнишь, что Фёдор наш Михайлович Достоевский вещал устами Мити Карамазова, а именно: "Широк человек, я бы сузил" Поясняю, в любом праведнике уживается чёрт с младенцем, загляни хотя бы в себя и не слишком обольщайся на счёт остальных, все сделаны из аналогичного теста.

– Спасибо, дяденька Валечка, за урок людоведения, и Фёдору нашему Михайловичу отдельный поклон! – развеселилась я. – Если набреду часом на притон разврата и обнаружу следы посещения Рыбалова, то отнюдь не стану думать, что он читал девицам проповеди о добродетели.

– Я бы и этого не исключил, – заметил Валентин. – Только представь себе, какая роскошь! Собрать вокруг себя цветник обнаженных девиц и между делом вещать им о добродетели. «Он плачет, все рыдают» – это цитата, откуда, не помню.

– О, кей, ты меня вдохновил, пошла на поиски притона, – я охотно согласилась в очередной раз, далее не удержалась от напоминания, что моя эрудиция мастью выше. – А цитата из «Горя от ума», написал некто Грибоедов, реплика Антона Загорецкого, начинается «когда о честности высокой говорит», далее все рыдают.

– Одно прощальное напутствие, дитя мое! – заметил Валька, резко вернувшись к теме. – Не замыкайся на притоне и женщинах, просто держи глазки открытыми и ушки топорицами. За всё, что притащишь в клювике, последует отдельная награда, не чурайся и домыслов. Пособирай, что плохо лежит, возле той горки от Ноева ковчега до давешнего пожара. Годятся любые происшествия, сплетни, слухи, наветы и умысления.

Завершив прощальный инструктаж, Отче Валентин оставил посреди недопитых чашек предназначенные мне бумаги и отбыл восвояси таким же манером, как и прибыл, пешком вдоль по переулку. И вскоре исчез из поля зрения, растворился на углу среди шелестящих тополей и лип, только я его и видела.

Оставшись одна, я для начала привела себя в рабочий вид, придела и слегка покрасила, затем присела к неубранно-

му столу и поизучала фотоизображения Кости Рыбалова и Ирочки Корсаковой. Не знаю, как работают другие, а мне для успешной умственной деятельности необходимо хотя бы недолгое созерцание предмета. Не скажу, чтобы я посмотрела и сделала вывод, отнюдь наоборот, скорее всего, я смотрю, что-то впитываю, затем в подсознании начинают копошиться соображения, толкаясь и выпихивая друг дружку. Лишь под конец процесса я улавливаю, что давно действую по плану, который сложился без моего осознанного участия. Следует оговориться, что так бывает лишь в удачных случаях.

Так вот, убирая в сумку карточку Кости Рыбалова и запиная под телевизор милую красотку Ирочку Корсакову, я отчётливо осознала некую причинно-следственную нитку. Но её природа от меня ускользала

2

На Веерную улицу я попала не сразу, сначала потерялась в подземных переходах над станцией метро, а после заплутала в проходных дворах, прельстившись мифическим коротким путем. Надо было точно придерживаться Валькиного чертежа местности, а я поленилась вынимать бумажку из сумки и справлялась у встречных. В результате вышла вовсе не ко двору со сгоревшей горкой, а на край оврага, где среди гаражей было найдено рыбаловское авто.

Нет худа без добра, и автомобильное стойбище на обры-

ве я изучила более обстоятельно, чем намеревалась. Гаражи-ракушки, всяческий автомусор и сплошная грязь выглядели в высшей степени прозаически, двое мужичков в автомобиле предложили присоединиться к их перекуру, но полезной информации не сообщили, кроме той, что моя короткая юбка особенно хорошо смотрится снизу. А чужие тачки, в частности иномарки около оврага, они сказали, что, «да, ошиваются», поскольку в одном из железных сарайчиков имеется мастерская по обновлению номеров. Судя по усмешкам полуподземных собеседников, обновление являлось чистойшей воды фикцией, а деятельность мастерской носила какой-то криминальный характер. Подробнее выяснять я не решилась, оставила на усмотрение компаньона.

К означенному сарайчику я приближаться не стала, но взяла сведения на заметку. Вальке будет интересно узнать, что случайно или нет, но последняя стоянка рыбаловского автомобиля оказалась в непосредственной близости от нелегального пункта смены номеров. Маленькую заметочку о том я занесла в специальный блокнот под кустарным шифром: «Рыб-авт-№-1».

Далее я вышла напрямиком на Веерную и двинулась по чертежу, не соблазняясь иными директориями. Стоит также отметить, что невзирая на броское название, Веерная улица буквально удручала взор. Была она облезлой, обтрепанной, на диво невзрачной и более ничем не примечательной. Серые кирпичные малоэтажки казались обгрызенными, редкая

растительность поломанной, а проплешины между зданиями затоптанными. Определение "занюханное местечко" отчасти компенсировало мрачное зрелище, но не слишком. Тянулась Веерная улица бесконечно долго и ничего не обещала на всём протяжении.

Однако искомое место происшествия, когда я до него дошла, на малую толику выбивалось из общего духа уныния и запустения. Занюханное оно было так же, как остальная местность, но изначальная постройка слегка выделялась из серых казарменных рядов. Двор образовывался тремя домами кремового колера и не совсем привычного вида. С улицы проглядывались арки, крылечки со ступеньками и редкие балконы с пузатыми чугунными оградками на верхних этажах. Мерещилась некая чужеродная декоративность, прикрытая общим печальным состоянием жилого фонда. Внутреннее дворовое пространство между тем оказалось приятным, там в изобилии теснилась растительность и уютно прятались скамейки. Потаённый садик, если можно так выразиться.

Однако входить в искомый двор я не спешила, хотя пожара на куриных ногах, останки сгоревшей горки, прыгнуло в глаза почти сразу. Повинуясь смутному побуждению, я двинулась вокруг домов, стоящих покоем (то есть буквой П), зачем-то заглядывая в промежуточные арки и ворота.

Признаюсь сразу, на Веерной улице я впала в розыскную панику, такое случилось не раз и вечно заставляло меня врас-

плох. Прежде чем начать действовать, особенно в чужом месте и среди незнакомой публики, я ощущала упадок морали и умственных способностей. Начинало мерещиться, что сейчас я всё провалю, лучше и не браться, а повернуть назад. Такое состояние бывает, когда впервыеходишь в незнакомый акваторий, и вода холодная, и дно топкое, и купаться сразу расхотелось.

В данном случае подвела неподготовленность. На подходе к месту действия я думала о чём угодно, кроме порученного дела и плана розыскных мероприятий. К тому же во дворик по Веерной улице пришла лично я, собственной персоной, а не как частный детектив по скользким семейным делам. Что совершенно непрофессионально. Понятно, что лично мне здесь делать нечего. А Екатерина Малышева, другая персона, компаньон фирмы "Аргус", частный консалтинг и семейные проблемы – потерялась где-то по дороге. Я её срочно призвала, персона вприпрыжку явилась, и в нужный двор мы отправились вместе.

Надо отметить, что в то утро жара разразилась, как и обещала, поэтому к десяти часам открытые части двора оказались пустыми, как декорации законченного спектакля, признаки жизни обнаруживались только в тени. Кстати, их было совсем немного. В песочнице копались мелкие дети в количестве двух, рядом на лавочке сидели обе молодые мамы и стерегли яркую матерчатую коляску – это раз.

В дальнем от них углу сидели у подъезда рядком сидели

трое монументальных старух и вели беседу – это был клуб номер два. А ближе всех к изуродованной горке на чугунной скамье застыл старик с неопрятной сивой бородой, на веревке он держал привязанную курицу. Пёстрая хохлатка паслась около лавочки и неспешно рылась в земле, веревка ей не мешала, а куриный хозяин то ли задумался, то ли дремал, во всяком случае было ясно, что мыслями он унесся далеко от здешних мест. Диспозиция прояснилась, план первоначальных действий очистился до блеска.

– Доброе утро, – сказала я бабушкам, подсаживаясь к ним на краешек скамьи. – Это у вас каждый день гуляет живая курица?

Старухи оживились и с законной гордостью поведали, что да, старик совсем рехнулся, завёл в квартире курицу, она несет яйца без петуха, он с ней каждый день гуляет, но скоро уйдет, поскольку птица не терпит жары, так что мне повезло, я застала редкое зрелище. Еще у старика есть кролики, живут в клетке на балконе, он для них косит траву в овраге. Старуха умерла год назад, долго болела, он за ней ухаживал.

Как было задумано, тема деда с курицей скоро исчерпалась, плавно перетекла в общее русло беседы о состоянии дел во дворе, а именно, кто и как здесь обитает. Старухи приветствовали новую слушательницу, и я узнала много интересных подробностей местного житья, прежде чем решила обнародовать свою фиктивную миссию.

Оказалось, что население домов, стоящих вокруг двора,

складывалось не по воле случая, как в иных городских кварталах, а посредством централизованного заселения. Сразу после войны из разоренных областей на границе Украины с Белоруссией в Москву были завербованы и привезены жители нескольких соседствующих деревень. Сначала поселенцы жили в кошмарном бараке и работали на заводе неподалеку, мне показали трубу на фоне серого неба – завод стоял на прежнем месте. Далее жителей перевели в эти самые дома, их вроде бы строили пленные немцы, чем объясняются мелкие завихрения в архитектуре. Для меня главным оказалось то, что спайка жителей, в особенности старшего поколения, позволяла им знать друг о друге практически всё, а главное, считать это своим неотъемлемым правом. Другое дело, сколь охотно они станут делиться с чужими.

Сидя в одном ряду с бабушками и выслушивая разные истории, я буквально сломала голову. Стоит представляться частным детективом либо нет, может быть, лучше ляпнуть сразу, что это мой муж гуляет, а я за ним бегаю, и тем снискать сочувствие с доверием. Прикинув пятьдесят раз подряд оба варианта, я решила действовать по вдохновению, а дальше будь что будет.

– Скажите, пожалуйста, а вот этого человека вы здесь не видели? – я воспользовалась пролетевшим над нами тихим ангелом и прицепила ему на хвост фото Кости Рыбалова.

– А зачем тебе? Кто он? – вразнобой спросили бабки, но карточку брать не спешили.

– Муж он мне, – сказала я с чувством. – И стал вроде погуливать. Сказали, что здесь его видели, а дел у него тут нет и быть не может. Я хочу узнать, к кому он ходит. Вы знаете его?

Мой праведный гнев и желание поймать неверного мужа были встречены старухами с осторожным одобрением – мол, женщина в своём праве. Другое дело, что ввязываться в чужие дразги они не очень-то желали, в особенности если выйдет скандал с кем-нибудь из своих, всё было понятно.

Однако фото Кости Рыбалова бабки взяли, внимательно рассмотрели и вынесли общий вердикт, что никто из них такого мужика никогда здесь не видал, ни днем ни ночью, ни пешего, ни на машине. В русле заявленной темы все трое твёрдо заявили, что у них в домах нет женщины, подходящей на роль моей соперницы. Кругом одни старухи, как они сами, новобрачные с младенцами – бабушки кинули на мамаш у песочницы, или совсем сопливые малолетки, притом примерного поведения. Ни одной шалавы любого возраста в общих дворах не проживает, они бы знали наверняка – так сообщили бабули с законной гордостью.

Я осторожно пошла на попятный и призналась, что, может быть, соперница мне примерещилась, а благоверный ходил к ним во двор с другими целями, не столь возбраняемыми, скажем, водку пить или в карты играть. Не подскажут ли тетеньки, может ли статья, что здесь имеются партнеры по таким развлечениям, либо просто деловые люди, к которым

муж мог ходить, а жену в известность не ставить. Тогда моя измученная душа обрела бы спокойствие – так я пояснила.

В ответ бабули охотно рассказали историю о сгоревшей горке и найденном трупe, наверное, решили успокоить меня предположением, что уж не такими ли делами мой гуляющий муж занимался, не дай Бог. А более ничего интересного для мужского пола у них в окрестностях давно не происходило.

Кроме того, правда, что месяц назад Петьку по кличке Утюг забрали омовцы в пятнистой форме, два здоровенные лба, скрутили бедолагу и увезли в машине. Начистили морду и отпустили со строгим предупреждением. А он, Петька-Утюг, только и виноват, что сдуру палил из своего окна, громко и вонюче. Стрелял газом, пробовал пистолет, а на соседнем балконе случилась Людмила Мизинцева, задохнулась, разозлилась и в милицию тут же брякнула. Серьезная дамочка, Людмила Мизинцева, образованная, зубы лечит, новые ставит, безобразия спускать не стала.

– Кстати, вот что, ты к Людмиле-то сходи, – вдохновенно заявила самая словоохотливая старушка. – Вишь, у неё-то мужик тоже на сторону бегаёт, ей интересно будет, а кроме того, она Только своего Мизинцева из окна поджидает, думает, не видит ее никто, из-за занавеси. И к вечеру, и ночью даже, всё смотрит, откуда он придет, от метро иль с автобуса. То ли с работы, то ли от бабы, смех берёт, рази-ж уследишь за ними! А машина у них новая, но стоит больно далеко, ездят только на дачу. Так вот, если кто твоего видел, так Людка

со стеклами смотрит. Заодно и душу облегчите обеи...

Снабдив меня номером квартиры и заодно указавши на окна, добрые бабушки сочли свою задачу исчерпанной и погрузились в обсуждение продуктов питания и цен на них, надо понимать, вернулись к любимой теме. Я поблагодарила старушек, попрощалась и успела в песочницу, где взялась интервьюировать молоденьких мам.

Дед с курицей к тому часу покинули двор, но я не особенно горевала, полагая, что ни тот, ни другая ничего существенного сообщить не смогут. Дед казался чрезмерно погруженным в себя, а курица вряд ли могла поделиться наблюдениями.

Мамаши Оля и Зоя пошли на контакт охотнее, чем старшее поколение, с ними не пришлось представляться ревнивой женой. Девочкам-мамашам я преподнесла версию в русле промышленного шпионажа и конкуренции между фирмами, что их вполне устроило, тоска домашнего затворничества сделали молодых мамаш отзывчивыми на необычное. Но, увы, одним добровольным сотрудничеством их вклад исчерпался. Девочки-мамашаи никого не видели и ничего не знали, а от их интереса к роду моей деятельности толку не было вовсе. Скорее наоборот, я увлеклась выдуманными обстоятельствами и провела лишнее время на лавочке.

Стыдно, но что поделаешь, я интриговала девушек-мамаш слишком долго, несоразмерно полученной от них информации. Правда, одна реплика пошла в дело, и то утеши-

тельно, что выдала ее мамаша Зоя после длительной беседы. Кстати, это у Зои имелось двое детишек, и разница между ними исчислялась в полтора года, причем мамаше едва стукнул 21 год, ничего себе!

– Кстати говоря, спросите Светку Мизинцеву, она, может быть, подскажет что-нибудь дельное, – предложила Зоя. – Как раз с такими и крутит, чтобы был пожилой и с деньгами. Но вроде как по делу. То на машине ее привезут, то в хитрую конторку пошла служить на полдня, там картины продают, а она помогает. Вообще-то студентка-отличница, поступила 16-ти лет, на танцы ни ногой, всё за книжками.

Сделав скидку на молодёжное восприятие возраста (пожилому Косте Рыбалову едва исполнилось 35), я про себя отметила второе упоминание семейства Мизинцевых во дворе и занесла в протокол. Это когда я попрощалась с девочками и скрылась в подъезде, где у окошка срочно стала делать заметки об услышанном. Сначала внесла в блокнот «Веер-Утюг-?», происшествие со злополучным стрелком Петькой-Утюгом; затем «Веер-Миз-2?», о том, что показ фотографии Рыбалова вызывает у местной публики ассоциации с семейством Мизинцевых. С чего бы это, желательно прояснить.

Хотя, записавши этот зашифрованный бред, я отлично понимала, что результаты имеются самые мизерные, практически на полном нуле, почти притянутые за уши, чтобы уходить со двора не с пустыми руками. Оставалось провести

квартирный опрос, заодно толкнуться к пресловутым Мизинцевым, посмотреть, какая у них возникнет ассоциация на картинку с Рыбаловым. Если застану их дома, разумеется. Вряд ли Людмила караулит мужа у окна днём, помнится, что бабули упоминали о её зубоврачебных занятиях. А дочка Света, надо думать, что я правильно исчислила их родственные связи, скорее всего овладевает знаниями или катается по городу в чужих авто, впрочем, одно другому не мешает.

Следовательно я прочертила примерный маршрут и пошла от подъезда к подъезду, оставивши указанных Мизинцевых под конец обследования. Квартир было по паре на каждой этажной площадке, изнутри отзывались или открывали примерно в каждой четвертой, разговаривать желала половина опрошенных, Рыбалова не признал никто.

Ближайшие окрестности трагедии были обследованы, оставалось разъяснить сомнительных Мизинцевых, затем крутить аналогичную карусель по более отдаленным радиусам. Хотя Валентин предупреждал, что отрицательный ответ в данном случае ничуть не хуже положительного, но я чувствовала дискомфорт, чем далее, тем более.

И ведь вчера знать не знала покойного Рыбалова, не мешалась в Валькины розыскные дела, и нужны они мне, как гвоздь в стуле, но вот поди ж ты! По всей видимости, присутствовало неосознанное желание прийти, увидеть и с блеском победить, принести компаньону на блюдечке решение срочной проблемы. Ещё раз прав оказался компаньон Валечка,

в каждом из нас сидит глупенькое дитя, его надо холить, но избави Бог слушаться!

На скорую руку разрешив внутренний конфликт поколений в себе, я направилась к мизинцевской двери во всеоружии самообладания, крепко держась за руку Екатерины Малышевой из "Аргуса" – частный консалтинг и семейные проблемы, член совета директоров. Вторым и единственным директором неизменно пребывал Валька.

Дверь квартиры Мизинцевых, элегантно обстеганная кожей, долго хранила молчание в ответ на перезвон, поднятый мною. Я почти смирилась с неудачей и готовилась уйти, когда защёлкал замок на соседней двери и послышались отдаленные шаги в коридоре у Мизицевых.

Соседняя дверь приоткрылась, и оттуда показалась сивая борода куриного деда.

– Звони, звони, Людмила-то дома, – сказал сосед поощрительно.

Я хотела воспользоваться случаем и всучить старику фотографию Рыбалова, но тут женский голос из мизинцевской квартиры осведомился, кто там стоит у дверей. Пришлось представиться и протянуть визитную карточку поверх цепочки – обычная процедура, но я всегда ощущала неловкость, будто пришла продавать гербалайф.

– Я вас слушаю, – церемонно произнесла Людмила Мизинцева, впустивши меня в квартиру ровно на один шаг и прикрыв собой вход в коридор.

За моей спиной громко прокрутился замок, там дед пошёл довольствоваться обществом курицы и, возможно, кроликов. Непредставившаяся Людмила Мизинцева оказалась женщиной очень крупной, объемной и не лишенной привлекательности. В голубом блестящем халате её было доброкачественно много, и мне пришлось слегка задрать голову, чтобы разглядеть приятное округлое лицо. Только глаза не соответствовали образу, были тревожными и обтянутыми, казалось, что хозяйка с минуты на минуту ждет плохой новости, и такое состояние длится долго.

– Простите за вторжение, – я произнесла профессионально. – Наше агентство занимается семейными расследованиями, супружескими и частными проблемами.

– Проходите, – сдавленно произнесла Людмила, отодвинулась и провела меня в комнату, обставленную весьма неплохо.

Общий вид и декор свидетельствовали о прочном достатке, а глубокое кресло, в которое я опустилась по приглашению хозяйки, подтвердило, что здесь позволяют себе новые приобретения, то есть жильцы нашли нишу в обновленной действительности и обустраиваются.

Наряду с наблюдениями промелькнула мысль о несправедности пользования хозяйкиных тревог в личных, хоть и деловых целях, но деваться было некуда, я построила визит по плану, и приходилось с ним считаться.

– Вы, наверное, в курсе, что в последнее время во всём

мире семейные проблемы приобрели особенную остроту, – я завела речь в псевдорекламном стиле, как бы произнося вздор в десятитысячный раз. – Сложившиеся веками семейные стереотипы не выдерживают темпов технического и социального прогресса, индивидуальные отношения не успевают за общими идеями, отсюда идёт обострение отношений между родителями и детьми, а в особенности между супругами.

"Сейчас она попросит меня вон," – трезво подумала я и резко сократила вступление.

– Так вот замечено, что стрессы и сложность жизни привели к тому, что супруги сами не в состоянии решить сложные бытовые и личностные проблемы, им требуется помощь специалистов разного профиля, – я на ходу направила диалог в конкретную сторону. – Наша фирма работает в одном из самых деликатных направлений, в частности ко мне обращаются женщины, чьи семейные проблемы достигли невыносимости и зашли в тупик. Жёны сами не справляются, доходят до стрессового состояния и тем ухудшают дело. На этой стадии супружеских разногласий помочь сложно, но вполне возможно, чем я занимаюсь по собственной методике. Да, дела с каждой из клиенток строго конфиденциальны, их секреты умрут вместе со мной. Извините, я отнимаю у вас время, но иначе трудно установить доверие.

– Вы ко мне по какому делу? – не слишком вежливо перебила Людмила, по всей видимости, я подогрела её доста-

точно.

– Совершеннейший пустяк, всего две минуты, – заверила я тоном любезной продавщицы. – Я хотела объяснить, что мы не просто собираем материал для развода, а вникаем в сложные проблемы. Одна из моих клиенток подозревает, что муж ей изменяет, и хочет знать достоверно, а не мучиться сомнениями. Вот его карточка, посмотрите пожалуйста, не знакомо ли вам это лицо, не случилось ли его видеть в ближайших окрестностях.

Людмила Мизинцева взяла фотографию и изучала её долго. Мне показалось, что беднягу одолевали посторонние мысли, не связанные с изображением покойного Рыбалова.

– Нет, к сожалению, я никогда не видела этого человека, ничем не могу вам помочь, – наконец созналась она.

– Он вообще-то очень крупный, как бы высеченный из камня, большая массивная голова, – я мягко стала подсказывать. – Если не видели лица, может быть, припомните фигуру. Скажем, смотрели вечером в окно, и вам бросилось в глаза. Вспомните, пожалуйста, это очень важно.

А про себя цитировала Вальку: "нет, дорогая, авантюрист – это еще не сыщик, не обольщайся."

– Скажите, а сколько вы берёте за такую работу? – вдруг спросила Людмила в ответ на мои увещания.

– Ну, это зависит от многих факторов, – я уклончиво произнесла в некоторой растерянности. Клиентка перехватила инициативу, что случилось нечасто.

– Скажем, я попрошу точно так же пойти по одному адресу и задать именно эти вопросы, только фотография будет другая, естественно. Можете соседей опросить, не помешает. Сколько это будет стоить?

– Примерно миллион рублей с учётом инфляции, возможны скидки, даже существенные. Но только, если я буду знать, зачем это делается, и соглашусь с подобной методикой. Понимаете, это очень сложный бизнес, я не стану вас утомлять, но нельзя братья за поручения, которые вызывают протест. Все равно ничего хорошего не получится, а клиенту можно повредить. К примеру, приходит кто-то к дантисту и требует удалить зуб, а доктор уверен, что зуб можно спасти. И будет настаивать, хотя и ему работы больше, и плата, возможно будет ниже.

– Я заплачу, сколько следует, и не бойтесь повредить, – решительно сказала Людмила. – Больше некуда. Она звонит сюда почти каждый день, иногда молчит, иногда говорит гадости, а я ничего не могу сделать. Когда происходит такой звонок, я теряюсь, потом плачу, уже боюсь телефона. Понимаю лучше вас, что меня выводят из равновесия, чтобы я устроила мужу скандал и показала, что я мегера, подозрительная и злобная.

– Вы хотите устроить ей пару приятных минут и создать репутацию среди соседей, я правильно поняла? – я прервала печальную повесть, не дожидаясь потока слез, они были на подходе.

– Да, именно так, может быть, звонки прекратятся. А если она пожалуется мужу, то будет еще лучше, он испугается. Не так легко начать новую жизнь в сорок с лишним лет. Уйти от своего ребенка и воспитывать чужого. Мне надо одно – чтобы звонки прекратились, вот и все.

Честное слово, неплохо придумала Людмила Мизинцева. В ответ на гадкие анонимные звонки продемонстрировать, что источник известен, и могут быть приняты меры. А главное, как хорошо она сориентировалась, как быстро сообразила приспособить случайный визит детектива для насущных семейных дел.

Я мысленно Людмиле поаплодировала и не нашла возражений против её плана. Не могла же я сказать, что за такие дела в принципе не берусь, если пришла в ее дом именно под этим предлогом!

– Хорошо, я согласна, – сказала я после недолгой паузы. – Но на основах взаимности. Вы тоже поможете с моим делом, постараетесь быть в курсе всего, что происходит в окрестностях и уведомите, если что-то покажется странным. Меня интересует любое необычное происшествие в ваших краях, а также слухи, сплетни и подобное прочее. Договоримся?

– Нет проблем, – согласилась Людмила. – Половину денег я заплачу вперед, сейчас дам фото мужа, адрес и телефон этой самой. Я давно достала, но не знала, как лучше использовать.

Людмила на минуту выплыла из гостиной и почти сразу

вернулась, далее положила на журнальный столик стопку купюр и необходимую документацию.

Супруг Мизинцев выглядел на фотографии вполне достойно, был снят около дачного забора, а на втором плане выступало новенькое строение о двух этажах, сельская вилла или пригородный коттедж.

– Ваше имение? – кратко осведомилась я.

– Только что закончили, въезжаем потихоньку, – сообщила Людмила без гордости, скорее озабоченно. – Поверите ли, когда с деньгами было туго, все шло нормально, жили себе, как все. Деньги посыпались, и ведь честные, у него золотая голова, взяли в зарубежную фирму по конкурсу. Так вот, как появились деньги – пропал покой. И эта... Как хотите, а русскому человеку богатство противопоказано, хоть сгори оно всё, я не пожалею.

– Ну, это сложный вопрос, – я не стала вдаваться в отвлеченные понятия. – Я бы на вашем месте считала, что девушка нацелилась не на мужа, а на имущество. Притом, что человек слаб, особенно мужчина, таких тонкостей не понимает. Вы должны ему помочь, а не обижаться.

– Как вас зовут? Извините, – спохватилась Людмила, стала искать визитную карточку и не нашла. – Хорошо, Катя. Знаете, Катя, я зря вам не верила. Ещё раз извините, вы действительно разбираетесь. Я голову сломала, про себя то с ним, то с ней говорила, у меня уже невроз начался, я ведь медик, соображаю. А вы мне чуть-чуть уже помогли, честное

слово. Как-то сразу полегчало.

– А вас как зовут? – неискренне спросила я. – Людмила, так вот Людмила, скажу честно, я сыском занимаюсь очень редко, а в основном просто утешаю. Но квалифицированно, чтобы женщины посмотрели на свои горести по-другому, не комплексовали, а могли себе помочь сами.

После установления взаимного доверия мы с Людмилой попили кофе, обсудили дальнейшее сотрудничество и наметили план действий. Она пообещала посмотреть в оба на предмет Кости Рыбалова, также странных и необычных происшествий, а я в свою очередь заверила, что немедленно дам знать, как прошел визит к сопернице.

Ту женщину звали Натальей, фамилии не было, в записной книжке мужа она значилась на букву «С». Телефон стоял на квартире у Раисы Адамовны Белик, жили обозначенные женщины примерно в моих краях, около метро Динамо. Людмила собирала сведения по крупнякам, мучилась, понимая, что это неправильно, и не знала, что делать с информацией. К её чести следует заметить, что Людмиле ни разу не пришла в голову мысль набрать ненавистный номер и произнести в трубку угрозу или гадость. Она смутно понимала, что тем уронит себя невозвратно. Понятное дело, что невроз женщина заработала честно.

Тепло простившись с новой клиенткой, я попробовала толкнуться к деду, но напрасно, дверь никто не открывал. За моей спиной ещё не ушедшая Людмила заметила, что старик

отчасти глух и слышит только то, что ему надо.

3

День близился к полудню, когда я покинула обследованные пространства и пошла concentрическими кругами вдоль Веерной улицы, пытаясь охватить расспросами имеющееся население. Признаюсь, энтузиазм довольно скоро иссяк, я делала опросы механически и легко мирилась с отрицательной суммой ответов. (Реплика в сторону. Просто не представляю, как подлинные профи по сыску переносят подобные разочарования, лично я слишком скоро впала в полное равнодушие и почти перестала интересоваться результатом.)

К четырем часам пополудни, оттоптавши ноги на высоких каблуках и впав в клиническое безразличие, я могла похвастаться следующими знаниями.

а) Через два дома от двора с горкой жители почти поголовно занимались отхожим промыслом: оставляли на ночь тачки с товаром для соседствующего вещевого рынка. Базарные точки в виде небольшого табора удачно примыкали к торцу дома, поэтому вечером, когда рынок закрывался, народ волок нераспроданный товар по ближним квартирам и оставлял до утра за небольшую мзду. Соответственно чему в этот дом и отчасти в соседний публика ходила, сколько хотела, и какая угодно, среди неё мог легко затесаться и динозавр, если он был с тележкой. К тому же, именно там крими-

нальный фон резко возрастал по сравнению с другими домами, шлялись бомжи, трудные подростки и сомнительного вида тетки, рыбы-прилипали бойкой торговли. Шифр в моём блокноте обозначил указанный адрес, как «рынок-16-2». Кстати сказать, будь труп обнаружен на данном пяточке, то никто бы им не заинтересовался, тело могло лежать пару суток, сходя за мертвецки пьяного.

б) По другую сторону от двора с горкой в тихом, замызганном домике, на первом этаже размещалась частная картинная галерея. Живописные полотна в ней не выставлялись, а складировались, хранились за плотными шторами и металлическими дверями. Мне хватило одного взгляда, чтобы сообразить их ценность – самые модные шедевры социалистического реализма тянули на целое состояние ввиду их неповторимости. Будучи в курсе моды на живопись и плакаты 30-50-тых годов уходящего века, я знала, что товарищ Сталин в окружении счастливых детишек может потянуть на несколько десятков тысяч баксов. Товар, надо полагать, предлагался зарубежным любителям острых ощущений – свои пока не забыли и не успели перевести тему в эстетический контекст.

Скажем честно и откровенно, в галерею я проникла обманным путём, представившись корреспонденткой дамского журнальчика, в который изредка давала заметки о книжной продукции, посему имела филькину грамоту об оказании содействия по сбору материала. Время от времени я зло-

употребляла несолидной крышей журнала "Мы с вами", не испытывая особых угрызений совести, как и на этот раз. В галерее "Утро века" я спросила ассистентку, красивую женщину средних лет, не бывал ли у них покойный Рыбалов. При том акцентировала, что она-то должна знать, поскольку смерть миллионера и мецената стала главной сенсацией недели.

Искусствовед-смотрительница (звали ее Альбиной, и промелькнула мысль, что в иной жизни мы могли встречаться) легко вспомнила, кто такой Рыбалов, однако от знакомства отреклась, во всяком случае поручилась, что галерея с ним дел не имела, а жаль. Недавний покойник был солидно богат, привлекательно странен и мог всерьёз заинтересоваться соцартом в натуре.

Альбина добавила в процессе беседы, что кроме всего прочего о Рыбалове ходили разговоры в том плане, что он желал видеть социальные перемены менее резкими и искал способы совместить обновление с традициями. Благотворительные акции с его подачи всегда носили характер милости к падшим и зывали к примирению идей и сословий. Перспективный был бы клиент, но, увы, теперь недосыгаем. Альбина сообщила напоследок, что о кончине Рыбалова она узнала от меня.

Посещение галереи вошло в персональный перечень под кодом: «Утро-соц. арт-Рыб-0». Уже на улице я вспомнила разговор в песочнице и сообразила, что, скорее всего, млад-

шая Мизинцева ходила служить Альбине сменщицей и добавила в блокнот: «Утро-Миз. дочь-check up». То бишь, следует проверить.

Нельзя было не заметить, даже не заглядывая лишний раз в блокнот, что в моих наблюдениях множественные Мизинцевы прямо-таки доминировали над всеми остальными. Чуть поразмыслив, я отнесла перекося на счёт собственной некомпетентности, а окончательное суждение положила оставить на суд старшего компаньона.

В конце концов от рыбаловского дела мне отщипнули малый кусочек и ждали чёткого исполнения локальных работ, никто не просил вникать в суть дела, тем более ломать голову, на что пойдут добытые сведения. Роль исполнителя меня вполне устраивала, хотя личность недавно покойного Рыбалова неуловимо цепляла. Зачем-то хотелось знать о нём больше, а думать о том, что сгоревший труп принадлежал ему – не хотелось вовсе.

В таких разнонаправленных мыслях я проделала прощальный круг в обход Веерной улицы, посидела на поломанной лавочке в целях дать отдых ногам и двинулась к дому. Даже если бы и хотела, то до конторы на Ленинском я бы не доехала, хоть обещала компаньону принести сведения незамедлительно. По случаю жары приходилось делать доклад по телефону, либо просить Вальку в гости вторично, размышляла я на лавке, а далее по дороге к дому без особого удовольствия. И вот почему.

В последнее время мой возлюбленный Гарик не только сократил частичное проживание на моей территории, но стал выражать некую досаду, когда я занималась делами совместно с Валентином. Отчего-то деятельность в "Аргусе", как по части семейного утешения, так и редкие поручения Валентина, вызывали у утонченного Гарика протест. Ему мнилось в совместных с Валентином делах нечто вульгарное.

Тот факт, что основная редакторская работа в родном издательстве "Факел" не приносила почти ни гроша, Гарика отнюдь не смущал. Однако деньги, заработанные утешением обманутых жен, казались ему не вполне чистыми и не совсем так пахли. Почему именно – Бог весть.

Другой побочный приработок, а именно, рецензирование и редактирование переводных дамских романов, точно так же не встречал сочувствия. Гарику претило моё участие в производстве коммерческого чтения. По его мнению, серьёзному специалисту данное занятие не подобало, потому что являлось дурным тоном и портило вкус. Моя вечерняя возня с яркими книжицами карманного формата, где на обложке красовалась неизменная пара в экстазе, и в особенности цитаты из лихих переводов Гарика удручали вместо того, чтобы веселить. Не так он был воспитан, чтобы развлекаться столь пошлым образом.

Ему казалось, что желательнее пребывать в неизбывной печали, если жизнь заставляет зарабатывать деньги второсортным способом. Но более всего бедного Гарика трав-

мировало само желание зарабатывать деньги, именно здесь крылся камень преткновения.

Гарика устроила бы честная и благородная бедность, а так же моё молчаливое признание, что в эти ужасные времена подлинно культурному человеку не пристало жить прилично, все должны гордо бедствовать в ответ на дикий рыночный разгул. Сам Гарик легко довольствовался мизерной институтской зарплатой, но кормился в основном из моего холодильника, о чём, кстати, никто из нас не упоминал. Что касается меня, то я в дискуссии по указанным поводам старалась не вступать, обходилась молчанием, сколько могла. Мне вовсе не хотелось ничего доказывать, однако я не могла жить по чужой, хоть и невысказанной указке.

Всю сознательную жизнь я содержала себя личным трудом и не видела в том ничего зазорного или оскорбительного для мужчины рядом со мной. Однако, здравые рассуждения не уменьшали печали, а правота не помогала быть счастливой. В результате я шла по пути наименьшего сопротивления: пыталась не замечать, как мелкие несогласия перерастают в непонимание, а так же старалась не афишировать занятий, приносящих основной доход. Что было, разумеется, позорным малодушием. Однако я бы скорее умерла, чем позволила Вальке заподозрить что-либо в этом роде, тут уж прошу меня извинить.

Из чего следует, что тем пополуднем Сцилла с Харибдой вцепились в меня обе, как кот в мышонка, и не давали, про-

клятые, никакого пространства для манёвра! Окажись вечером Гарик у меня – так не пригласишь Вальку для отчёта, и не отрапортуешь по телефону, все слышно, и Гарик надолго надуется. А если Гарик не придёт без спроса и объяснения (как теперь бывало всё чаще), то стоит ли радоваться, что можно заниматься делом без помех и спокойно приглашать компаньона?

К тому же Гарик был способен прийти в любое время, наши отношения пока находились на этой стадии. Тогда возникнет полный афронт, он застанет Вальку, распивающим чай в своих тапочках! В таком случае следует скорее бежать домой, дать Валентину отчет по телефону. Гарику с работы еще не пора, я могу успеть...

Рассмотревши возможные варианты вкупе и каждый в постыдной отдельности, я выскочила из вагона на станции Динамо, чтобы нанести визит Наталье под литерой «С», сопернице Людмилы Мизинцевой. Тем более, что работа уже была оплачена. А мужики пусть следуют к Богу в рай!

На подходе к указанному адресу, я уняла душевный разброд, сказала себе строго: «Врачу, исцелися сам!» и постаралась войти в рабочую форму. Деньги заплачены, работа оговорена, и никому не нужны мои переживания!

«Хоп-хоп, поехали, сейчас будем прыгать через обруч!», – подсказала Е.Мальшева, мой младший компаньон.

Малая разминка на местности прошла так себе, серёдка наполовинку. Пара жительниц, встреченных мною у нужного

подъезда, ознакомилась с карточкой Мизинцева, дружно его не признала, но отказ разительно отличался от подлинного неведения, которое преследовало меня на Веерной улице. Я сразу почувствовала разницу и немедленно занесла в свой реестр под рубрику НЛО (Непознаваемые Логикой Объекты). Это, когда впечатление висит в воздухе, но на логические элементы не раскладывается. Впечатление возникало чёткое – Анатолия Мизинцева здесь и видели, и знали.

Квартира № 71 оказалась на шестом этаже, а лифт ходил почему-то с третьего, ко всему прочему он натужно гудел и неприятно подрагивал, так что идти вниз я твердо решила пешком. Достигши наконец номера 71, я позвонила, повторила себе команду: "Хоп-хоп, поехали!" и стала ждать ответа.

Двери открыл ребёнок, девочка младшего школьного возраста со светлыми хвостиками. Она окинула меня быстрым взглядом, ничего не сказала и резво удалилась вдоль по коридору. Из неосвещённой глубины квартиры послышался женский голос, спросивший: «Кристина, кто это?», однако обладательница не спешила появиться. Я постояла подле двери, никого не дождалась и двинулась наугад. Полутемный коридор кончился двустворчатой дверью, в которую я осторожно постучала, после чего вошла, не дождавшись реакции. Право, очень странная оказалась квартира.

В комнате также царил полутьма за шторами, но работал телевизор и в кресле спиной ко мне сидела женщина. Рас-

смотреть я смогла лишь прическу, искусно составленную из прядей разного цвета.

– Простите, пожалуйста, – окликнула я разноволосую обитательницу. – Я вошла без приглашения, но...

– Опять Кристинка открыла кому ни попадя, – сказала она, медленно разворачивая кресло. – Присмотреть за ребенком некому, сколько раз говорила!

Женщина оказалась примерно моего возраста, кроме буйно разбросанных разномастных волос, её украшал яркий макияж, не совсем уместный в домашних условиях, равно как и массивная золотая цепь поверх длинной цветной рубахи. Если исключить вышеописанное, женщина смотрелась весьма ничего себе, стиль имелся в наличии, хотя не самый изысканный. Антураж детально рассмотрелся, когда хозяйка поднялась с кресла, не спеша раздвинула шторы и убавила звук в телевизоре, элегантно помавая управлением. Гостью (а именно, меня) она обозрела без особых церемоний, производя детальную оценку, что на ней надето.

– Так я вас слушаю, – наконец произнесла хозяйка, но сесть не предложила, хотя сама вернулась в кресло.

– Наша фирма занимается семейным бизнесом, – нарочито туманно выразилась я и протянула аргусовскую карточку.

Пока предположительная Наталья С. изучала надписи на визитной карточке, я быстро озвучила текст о перечне услуг.

– Семейные проблемы, частный консалтинг, помощь юриста и психолога, консультации при разводе, легальные част-

ные расследования. Я бы просила вашего разрешения задать пару вопросов, – дежурная тирада выскочила механически.

Хозяйка помедлила несколько секунд, было видно, что любопытство борется в её душе с осторожностью, но любопытство перевесило. (Честно говоря, обратного в моей практике не случалось ни разу.)

– Что за вопросы? – без особой вежливости осведомилась она.

Однако сесть не предложила. Трудный случай. Принявши неотказ за знак согласия, я предложила невольной клиентке на осмотр фотографию Мизинцева на даче и спросила, не давая опомниться.

– Вы этого человека знаете, когда-нибудь видели?

Наталья «С» (если это была она), взяла портрет, уставилась на знакомое изображение, а её лицо отразило полную гамму переживаний от удивления до желания убежать. Надо думать, естественно реагировать она не могла, а сыграть нужную реакцию без подготовки не успела. Обе мы отлично знали, что она себя выдала, а я её спровоцировала. Взаимных симпатий знание не прибавило, отчасти поэтому я за такие дела принципиально не берусь – вредно для собственного душевного состояния.

Для Натальи С. оставался один путь отступления. А именно сказать с любой степенью неискренности, что никого не знает, никогда не видела, сеанс закончен, вот вам Бог, а вот и порог! А что чертова дознавательница поняла и подумает,

того уже не поправишь.

Чем дольше длилось напряженное молчание, тем неприятнее становилось нам обоим, пауза тянулась всё более и более мучительно. А когда к моему облегчению хозяйка поднялась с кресла и была готова отказаться от знакомством с Мизинцевым, после чего выпроводить незваную гостью вон, вот тут к нам ворвалась дочка Кристина, запрыгала по комнате и ловко выхватила у матери фотографию.

– Ой, а это дядя Толя, правда мам? – обрадовалась она, потом добавила несусветное, обратившись ко мне. – А вы его старая жена?

– «Детей воспитывать надо», – мысленно обратилась я к Наталье, а вслух произнесла. – Дай мне карточку, детка.

Однако без реального результата, Кристина держала портрет и не отдавала, прыгая по комнате. Я вновь попросила девочку вернуть документ, так же без успеха. Это было всё, что я могла сделать. И понятия не имела, что в такой ситуации можно сказать неудачливой мамаше!

– Мама! мама! – вдруг громко крикнула Наталья.

Тут я не на шутку испугалась. Вдруг она впадет в истерику или в буйство, что тогда делать? Но её следующие слова меня чуточку успокоили.

– Мама, забери отсюда Кристину, сколько раз я говорила!

– Кристиночка, детка, не мешай маме, – сладким голосом произнесла полная женщина средних лет.

Она вплыла в комнату с достоинством, взяла за руку де-

вочку, с трудом отобрала картинку с Мизинцевым, потом посмотрела на изображение. Хорошо было Гоголю, Николаю Васильевичу, классику отечественной словесности, вписать известную ремарку «Немая сцена» и тем блистательно завершить пьесу! В квартире № 71 такие штучки, увы, не проходили! Воленс-ноленс, а кто-то должен был нарушить молчание, и эта роль, боюсь, что доставалась мне.

Я обозревала застывшие лица двух мамаш и двух дочек, а всего их стояло передо мной трое, и проклинала день, час и минуту, когда мерзкий Валька посадил меня за баранку этого пылесоса, а так же собственный идиотизм, вовлекший идиотку Малышеву(в двух лицах) в такое предприятие!

– Бабуль, скажи, ведь, это правда дядя Толя? – меня спасла младшая дочка Кристина, далее её понесло на волне разоблачений дальше и выше. – Чего я такого сделала, вы сами говорили, что он скоро бросит старую жену и будет жить с нами, я так и сказала. Что я теперь, плакать должна?

– Кристина, выйди вон, – деревянным голосом сказала мамаша помоложе. – А ты, мама, останься. Это сыщица, пришла разнюхивать. Твоя внучка ей всё доложила, теперь скажи, что нам делать.

– Но ведь это ребёнок, она ничего плохого не хотела, – робко проблеяла старшая мамаша, обращаясь неизвестно к кому, потом спохватилась и выдала здравую мысль. – Мало ли что ребёнок скажет? У девочки развитая фантазия, знаете ли...

Пока они препирались, я дошла, наконец, до сознательного состояния и смогла вступить в действие со свежей идеей. Аккуратненько, без резких движений я вынула мизинцевское фото из неподвижных пальцев бабушки, бросила в сумку и завела речь.

– Собственно говоря, я пришла по факту оскорбительных анонимных звонков на квартиру семейства Мизинцевых. Определитель указал ваш номер, мне поручили выяснить, кто и в каких целях отсюда звонит. Не исключался рэкет и шантаж, тогда бы дело передали в милицию. Сейчас я хотела бы посоветовать прекратить звонить раз и навсегда, иначе будут приняты меры. Теперь разрешите откланяться, извините, если мой визит причинил кому-либо моральное неудобство. От себя лично могу добавить, что практика анонимных звонков жёнам оборачивается против тех, кто звонит, если становится известна мужьям. И вообще, знаете ли, это очень некрасиво. Себе такого никто не пожелает, не правда ли? Прощайте, спасибо за внимание.

Произнося импровизацию, я потихоньку пятилась из комнаты и незаметно достигла коридора, надеясь пересечь его одним махом и толкнуться в дверь. Очень хотелось, чтобы она стояла открытой с момента моего прихода, и судя по нравам, царившим в странной квартире № 71, такое вполне могло случиться.

– А это что у вас за карточка? Какой еще «Аргус»? Что это такое? Предъявите настоящий документ, – Наталья вдруг

опомнилась и перешла в наступление.

– Так каждый придет и назовется, кем хочет, – поддержала мамаша. – А я вот сейчас в милицию позвоню!

– «Проводы по высшему разряду, с оркестром», – отметила я про себя, а хозяйкам квартиры ответила со всей возможной вежливостью. – По лицензии моя деятельность вполне легальна. Мизинцев будет счастлив получить копию милицейского протокола. Жалуйтесь, будьте так любезны!

С последними словами я выскочила из квартиры вон, как и намеревалась. По лестнице вниз я летела почти кубарем, едва держась за перила, вслед тронулся лифт, затем опередил, спускаясь по прямой. Несколько дурных мгновений казалось, что за мной гонятся из 71-ой квартиры, сейчас перехватят на первом этаже и... Застрелят, по всей видимости, если найдут из чего, я вполне заслужила, вела себя вызывающе и ввела женщин в безысходную ситуацию, что тут отрицать! Душеспасительница тут нашлась хренова!

Элемент паники замедлил движение вниз, всё равно от лифта не убежишь, хоть опускался он нескоро. Прибыли мы в точку randevу почти одновременно, дверь шахты рывком распахнулась, я проскочить не успела, и напрямик ко мне рванулась лохматая чёрная собака с квадратной бородой! Мысль о магических превращениях почти не успела зайти в голову, к тому же была она крайне оскорбительной для каждой из обиженных мною женщин. Но буквально тотчас из шахты донеслось разъяснение, исключившее магию напрочь.

– Стой, Псишка, вот гнусная тварь! Простите, пожалуйста, она совсем сдвинулась, – это из лифта вышла рослая девушка в спортивном костюме и вежливо придержала собаку за ошейник, чтобы я могла пройти.

– Эти черные терьеры, они не совсем нормальные, – пожаловалась собаководительница, когда я сказала, что ничего, я почти не испугалась, а к стенке прислонилась от неожиданности. – Сейчас у Психеи течка началась, она рвется на свободу, а до людей ей дела нет.

Психея тем временем размотала поводок и почти вылезла на улицу, так что заботливая девица вынуждена была покинуть меня недоизвинившись. «Какая милая девушка, как хорошо воспитана!», – с неестественной восторженностью повторяла я, выйдя наконец из подъезда и убеждаясь, что ноги держат плоховато, норовят подогнуться в коленях и крупно подрагивают. Обитательницы квартиры № 71, внеплановая встреча с чёрною Психеей, общая моральная и физическая перегрузка – события достали меня напрочь все вместе и каждое по отдельности.

Вновь я опустила ватное тело на какую-то скамью и стала дожидаться, пока утерянные функции восстановятся. Безусловно, одни лишь двигательные-опорные, о том, чтобы осмыслить, кто, что и зачем наделал, речи никакой не шло. Эти завалы и выбросы придется долго и досконально раскапывать в целительном обществе старшего компаньона, а именно Отче Валентина. Как отдельный филиал фирмы я на

данный момент не существовала, так, сборник разрозненных сведений плюс идиотский перечень в блокноте. Авось друг Валечка поможет раскодировать, старший компаньон не лишен искры Божьей, а меня прошу уволить. В соответствии с вышеуказанным, я на автомате разыскала платный телефон, бросила туда жетончик и доложила Вальке или автоответчику, а в принципе всё равно кому.

– Это я. Еду домой. Жду у себя. Целую, Катя, – было сказано тоже непонятно кем.

К собственному жилищу я подошла со двора, а не по переулку, пришлось свернуть с прямого пути, чтобы купить батон хлеба и пакет молока на самодельном рынке за углом. Увы, данное усилие исчерпало мыслительные способности окончательно. Оказавшись без хозяйственной сумки, я не догадалась приобрести пластиковый мешок и тащила продукты в руках. Представляю, сколь богатое зрелище явилось соседкам-бабушкам: я брела к подъезду, как лунатик, сумка болтается за спиной, в каждой руке по предмету питания. «Вот до чего доводит женщину холостая, несемейная жизнь!» – наверняка подумали они с полным удовлетворением.

Хлеб с молоком основательно затруднили входение в квартиру, пришлось зажать молочный пакет под локтем, но со второго захода дверь открылась. Однако, войдя в коридор, я поняла, что могла не мучиться с ключами. В квартире явно кто-то был, причем не один, из комнаты доносился разговор,

вернее обмен репликами. Голоса были мужские.

Не покладая продуктов (от удивления, наверное), я вошла в комнату и застала печальную картину, коей всячески тщилась избежать. Посреди помещения в кресле развалился Валька и наблюдал, как Гарик собирает в спортивную сумку вещи, аккуратно сложенные по принадлежности, носки и майки отдельно, рубашки со свитерами следом. Дверцы обоих шкафов болтались открытыми, на журнальном столе стопками и россыпью лежали бумаги.

– Всем добрый вечер, – сказала я, держась за хлеб и молоко, хотя продукты стремились выпасть.

– А, Катюш, как хорошо, что ты успела, – очень дружелюбно вымолвил Гарик. – А я хотел просить Валентина, чтобы он передал. Знаешь, у меня так сложилось, сначала длинная командировка, потом страшно занудный договор об инвестициях, придется вкалывать, как рабу на галерах, так что я думаю перевезти бумаги к маме. И тебе мешать не буду, не возражаешь?

– Конечно нет, если тебе так удобней, – ответила я с запинкой.

Вежливый диалог с жестоким подтекстом давался трудно, я рисковала не потянуть, но в нужный момент вступил Валька.

– Прелестное дитячко Катя, позволь, я поспособствую, – предложил он, вставая с кресла. – Ты столько всего нанесла, что сейчас не удержишь, давай переправим на кухню.

Валентин забрал продукты и понёс из комнаты вон, я направилась следом, а Гарик остался собираться.

– Я как услышал твой вопль души в контору, так сразу прискакал, ты уж извини, если не ко времени, – Валька говорил, не переставая. – Хорошо, что Гарик мне открыл, а то дожидался бы под дверями. Никуда не денешься, это дельце надо было успеть еще вчера, так что мы сейчас молочка попьем и приступим, благословясь.

– Гарик, ты с нами молоко будешь пить? – крикнула я из кухни.

Я понадеялась, что вопрос прозвучал буднично, вроде бы голосом и интонацией я владела.

– Нет, спасибо, – сказал Гарик, появляясь в кухонном проёме. – Вы уж без меня, я дома поужинаю, удачной вам работы, а мне пора. Я дверь сам захлопну, не провожай.

– Счастливо тебе, привет маме! – вежливо попрощалась я и через секунду услышала, как дверь хлопнула и закрылась.

– Высший класс, дитяtko Катя, – заверил Валька вслед за щёлканьем замка. – Что сейчас делать будем: рыдать или посуду бить? Имеешь полное право, только не затягивай, у нас работа. Но вот бежать за ним не советую, не догонишь!

– Нет, дорогой, ни то, ни другое, ни даже третье, – я выговорила с усилием. – Сейчас ты будешь материться, так изощренно, как сможешь, причём по своему адресу, а я буду слушать и соглашаться. Идёт?

– Вот это что-то новенькое в рамках женской психологии,

но тебе и карты в руки, со специалистом не спорю, – объявил покладистый мой компаньон, поставил на стол взявшуюся неведомо откуда малую бутылку "Абсолюта", плеснул из нее в чашки, отпил из своей и высказался. – Аз многогрешный, стукнутый чем хочешь во все места своего уязвленного организма, признаю чистосердечно и всеми печёнками-селезёнками, что зрелище, явленное здесь, порвало все важные части души и тела вдребезги и на мальчайшие части! (Надо ли говорить, что речь компаньона была мною слегка переработана, иначе не полезла бы ни в какие рамки!)

– Хотя, душа моя, не мерещится ли тебе тоже, – продолжил Валентин без малейшей заминки. – Как и мне, в бога, мать и душу плюнутому, что раздолбанное биллионы раз это самое дурного вкуса сценорепрезентация, каковому нас подвергли на пару, накрыло нас той самой частью тела отнюдь не в виде импровизации? Что это был офигительно простенький предлог, к давно задуманному мероприятию? Что твой замечательный юноша отбыл не потому, что меня многогрешного увидел, а дело ваше давно к этому двигалось. Или нет?

– Я просила каяться, а не анализировать, – сухо заметила я, прополоскав рот "Абсолютом", в горло он почему-то не пошёл.

– Вас понял, виноват, исправлюсь, – заверил Валентин. – Так, бишь, на чём я малоспособный чудак, остановился? На том, что пробитые и продолбанные, мои хреновые извилины

пропустили, проглядели, недотумкали подробностей твоего домашнего хозяйства и деталей интимной жизни.

– Всё, Отче, заткни фонтан, я удовлетворена, – выговорила я, наконец протолкнув в глотку абсолютное лекарство от всех скорбей. – Ты сказал достаточно, выразился внятно. Спасибо, что подержал вовремя хлеб и молоко, а также изобретательно утешил. Мысль я поняла, вполне согласна, посуда теперь в относительной безопасности. Я выпью по очереди молока и водочки, водочки и молока, и вскоре присоединюсь к твоим деловым размышлениям.

– Может, чуть повременим, не так сразу, – предложил Валька.

– Да нет, в принципе можно начать полегоньку, а если я иногда буду вставлять запоздалые замечания по поводу своих бывших личных дел, ты не удивляйся, а мигом подстраивайся под шоковое состояние, – я внесла своё деловое предложение.

– О,кей, прелестное моё дитя, я на всё согласен, давай по-маленьку двигаться в сторону трупа и так утешимся, – охотно согласился компаньон.

Я присоединила к деловому банкету свой блокнот, и мы принялись расшифровывать ребусы, понаделанные вдоль и поперек Веерной улицы. На десерт я предложила события в 71-ой квартире, не забыв упомянуть бородатую черную Психею.

– В принципе я удовлетворен, – заключил Валентин благо-

склонно. – Обход и мониторинг ты провела тщательно, отметила моменты, вызывающие к вниманию, засветилась в нужном месте целиком и полностью. А, самое главное, приобрела информатора – вот это успех! Такое бывает не каждый день, поздравляю, ты уже не дилетант. Удрученная дама Мизинцева, вот оно главное достижение, и дурацкий визит к чёрной собаке более чем уместен, не терзайся. Доложи клиентке Мизинцевой по форме и держи с ней связь, можешь взять в оборот дочку, если она взаправду служит в галерее, не помешает. А что никто ничего не видел – не твоя печаль, всего лишь Божий промысел.

– А дальше что? Кроме Мизинцевых и чёрной собаки? – я спросила, чередуя "Абсолют" с молоком из одной чашки, напиток, между прочим, начал мне нравиться.

– Дальше – больше, – таинственно заявил Валька. – Первое испытание огнем ты прошла, я доволен, теперь займись легальными дамочками покойного Рыбалова. Если ничто не претит, естественно. Их две штуки. Первой пойдет Ирочка Корсакова с телевидения, официальная любовница. Вторая – орешек покрепче, подруга юности, голос совести и прочие ужасы в жизни покойного Кости Рыбалова. Зовут Нина Игоревна Уланская, примерно твоя ровесница, страшна, как смертный грех, не в меру обаятельна и, если верить слухам, незаурядно умна. Разведена, имеет большую дочь, муж женат на француженке, живет в Париже. Закончила историко-архивный институт, занимается деловой перепиской на

французском языке, денег от Рыбалова не брала ни одной копейки. Надеюсь, ты врубилась, что с нею придется туго. Говорят, что Костя Рыбалов слушался её беспрекословно. Даже мечтал жениться, но она ни в какую. Вот такие мои сведения, дальше будешь смотреть сама.

– А на что смотреть? Чего нам от них надо? – спросила я.

– Не, дитя, я покорен и раздавлен, это о тебе так Паша говорит, – сообщил Валька. – Ты должна быть в шоке, сам видел театральное представление, а ты – почти как огурчик и задаешь правильные вопросы. Кстати о Паше, не желаешь ли теперь рассмотреть его неделовое предложение, это выход. А у девушек рыбаловских нужно выспросить обиняком, что именно заботило и волновало Костю в последнее время помимо деловых коллизий. Что лежало у него на душе, о чем он нечаянно проговаривался. Деловые моменты учтены, теперь хорошо бы сопоставить другие тревоги ушедшего от нас Рыбалова. Твой родич Паша, не тем будь помянут, велел прочесать дочиста вокруг и около, и вывод делает самолично.

– Знаешь, Отче Валя, ты, пожалуйста, Пашу в мои личные дела не посвящай. Могу я надеяться, что сбережешь секрет? – чуть затоможенно попросила я.

– Апсольман, как скажешь, так и будет, – заверил Валентин. – Но учти, он-то исход твоих дел вычислил чуть ли не год тому назад.

– На то он и аналитик, – согласилась я. – А вот о девушках, ты мне подскажи чуток. Ключевой пункт имеется, или самой

искать?

– Хорошо сечёшь, сходу. Раз сама догадалась, то скажу, – в свою очередь согласился друг Валя. – Попробуй уяснить, зачем покойник Костя рвался на отдых один, а если не один, то с кем, от кого секрет, или вообще не секрет. Очень мутный пунктик, вполне может оказаться пустышкой, иногда действительно хочется от всех отдохнуть и удалиться под сень струй половить рыбку. Костя наш был человеком цельным, с него стало бы скрыться на неделю в девственные леса, жить в избушке и осмысливать мировые проблемы. Только не в избушку он намылился, а на море. Ладно, сама умная, разберёшься. А что друг Паша тебе проанализировал, совсем не интересуется?

– Дался тебе друг Паша! Хотя опять же работодатель, надо уважить, валяй, излагай его фатальный анализ, – вновь согласилась я.

– Паша бросил небрежно, как юношу твоего пару разков узрел, что видит ситуацию печально. Молодой человек, рэзюмировал Паша, причём с южной кровью, достиг возраста, природа требует своего, а жениться не с руки, не промахнуться бы, не продешевить. Девушки в данном случае представляют опасность, могут быть неприятности, особенно, если менять их часто. А наша милая Катрин, заметил Паша, бесконечно благородна, никогда ничего не потребует, что очень удобно. Но вот, как придёт время парню устроиться, то у Катрин сразу обнаружатся недостатки, она не сможет

или не захочет быстро исправиться, тогда юноша заплачет и уйдет. Такие вот анализы предсказал Паша больше года назад. Нет, дитя, ты перепутала, это юноша должен плакать, а ты пей водку с молоком. Мы с Пашей тебя очень любим, ты замечательный человек и работаешь хорошо. Хотя и бесконечная раззява, тут Паша прав.

– Я больше не плачу, слёзы полились только от возмущения, – заверила я друга Валью. – Неужели ты думаешь, что я пойду к Паше в подружки, если он меня насквозь видит! Это ж вивисекция без наркоза, забудь навсегда. Давай лучше угодим ударным трудом, раскопаем тайны усопшего Рыбалова. Заодно, глядишь, подзаработаем, тоже съездим на море.

– Вот об этом чуть после, хотя и очень скоро, – предложил Валька. – Пока держи полные досье на двух женщин, поизучай. Свидания с ними назначу сам, действовать будешь просто и наивно, от лица нашего "Аргуса". Чтобы в течение трех дней была готова к разговору с каждой из указанных дамочек. Уговорились?

– Хорошо, дяденька Валя, Мухтар постарается, ему больше всё равно делать нечего, – ответила я излюбленным присловием Вальки о кинособаке указанного имени.

– Дитя, можно один нестандартный вопрос, и я сваливаю?

– Хоть два, только скорей. Адская смесь ударила в голову, спирт с молоком сошлись весьма круто.

– Скажи мне, на каких условиях ты сможешь взять юного идиота взад, что он должен сделать?

– Хороший вопрос. Я пока не начала думать, но полагаю, что после сценопредставления всё глухо, как в танке.

– Понял, – сообщил Валька, откланялся и тут же отбыл.

Глава вторая

1

Последующие три дня, выданные для раскочки, прошли быстро, хотя в полубредовом состоянии, промелькнули, оставив в памяти всплески бессознательной тревоги и следы такой же деятельности. Свои личные переживания я закрыла на крепкий замок, а ключ бросила в колодец, точнее, дала подержать подруге Верочке. Веруню я оповестила по телефону краткой фразой, начисто лишенной эlegantности.

– Гарик накрылся медным тазом. На эту тему – больше ни звука, пока сама не разрешу, – сообщила я.

– Как скажешь, – грустно согласилась подруга Вера, хотя информация её сразила.

– Потом она чуток подумала и предложила привезти баночку малосольных огурцов в ближайшее время. Я согласилась принять её с огурцами через три дня. Далее в первую удобную минуту я отзвонила Людмиле Мизинцевой и дала отчет о проделанной работе. С нею мы договорились, что я скоро заеду, дополучу гонорар, оформлю бумагу и сообщу подробности с рекомендациями. Дополнительно я попросила Людмилу устроить встречу таким образом, чтобы дочка

Света оказалась дома. Ну и конечно, напонила Людмиле, чтобы она смотрела в оба. Клиентка не только пообещала, но заверила, что уже смотрит.

– Досье по рыбаловским девушкам я изучала попеременно, поскольку сведения оказались в двух формах: бумаги и компьютерные дискеты, Валечка постарался на совесть. Естественно, я попеременно читала бумаги или смотрела тексты на мониторе, вследствие чего женщины Рыбалова слегка смешались в голове. Приходилось делать над собой усилия, чтобы их разделить, помогало фото хорошенькой Ирочки Корсаковой, в трудные моменты я держала её перед глазами, чтобы не спутаться.

– Изображения второй дамы, страшной, как смертный грех, мне не досталось, может, оно было к лучшему, и так образ составлялся тяжкий для общения и разработки. Скажу кратко: в этой самой Нине Уланской не проглядывалось ничего ординарного, ни единая банальная черточка не утепляла пронзительного впечатления.

– Два штриха в её биографии меня сразили и, прямо скажем, утомили. Первое, что означенная Нина, тогда Торопова, в отрочестве и ранней юности посещала подростковый семинар у одного тогдашнего литератора, слыла подругой и соперницей ныне известной поэтессы Елены Славиной. Был отмечен и зафиксирован момент, когда юная, заносчивая Леночка Славина единожды вымолвила: «Мать, да ты пишешь лучше меня!» Практически сразу после указанного заявле-

ния Нина Торопова писать бросила и вышла из семинара при неясных обстоятельствах. Это раз.

– Во-вторых, бывший муж, Володя Уланский, оставивший Нину ради немолодой французской ювелирши, неоднократно просился назад из Парижа, вернее, обещал развестись с француженкой и звал к себе Нину с дочкой, несколько раз посылал официальные вызовы, и бессрочный, и гостевой. Нина просто не соблаговолила ответить, а валюту, высылаемую для дочери, неизменно отправляла обратно. Ужас... На таком мрачном фоне весёлая, красивая, обаятельная Ирочка Корсакова действительно смотрелась, как отдохновение для души, Рыбалова можно было понять. И не один, а много раз.

– Будь я на его месте, то заодно приискала бы третью, желательно дамочку корыстную и стервозную, чтобы зреть в натуре всю гамму женских прелестей и наслаждаться контрастами. Такую, например, как мизинцевская Наталья С., она бы отлично дополнила собирательный женский портрет. В особенности, если присовокупить маму и дочку в качестве фона, получилась бы тройка граций.

– Если признать честно, то дамская троица, проживающая в 71-ой квартире, не желала уходить из головы, они прицепились и дергали локальную болевую точку, как открывшийся нерв в зубе – привет Людмиле Мизинцевой и ее рабочему креслу! Несколько раз я проигрывала в памяти неудачный визит, тщилась понять, что меня там держит, грешила на нечаянную встречу с чёрной псиной Психеей, пытаюсь из-

влечь из нее символический смысл, но никак... Дамы из 71-ой квартиры не оставляли и продолжали нудно беспокоить, как если бы я нечто важное упустила и просмотрела, недотумкала, по Валькиному выражению.

– Благо, что опыт имелся, на второй день к вечеру я напросилась в гости к соседке в четвертый подъезд. Люба Разумовская работала штатным психологом в больнице и, бывало, помогала вскрывать моменты, вызывавшие тревогу и смущение. Пару раз в утешительской практике приходилось работать с женщинами, чьи проблемы не давались в руки. Тогда я советовалась с Любой, она смотрела клиентку и, как правило, вздыхала: «Это уже не твоё, это клиника».

– На сей раз смутное ощущение клиники касалось меня непосредственно. Никак не удавалось вывести на сознательный уровень причину бескокойства, понять, отчего тройка женщин, пускай, не первой степени приятности, так тревожит. Ведь не из сочувствия к Людмиле Мизинцевой, и, надеюсь, не как реакция на свои личные потери.

– Однако, чтобы не тратить сил понапрасну, я купила баночку чая «Earl Grey» с ароматом бергамота и прочно уселась у Любы на кухне, вытеснив двух мальчишек и бойкого пса из сферы мамашиного внимания. От их шума и гама мог сдвинуться даже штатный психолог, оба мужа у Любы оказались слабы духом и поочерёдно испарились.

– За неоднократной чашкой чая я пересказала в подробностях свой визит к трем грациям разных возрастов, описа-

ла странное беспокойство, гнетущее не сильно, но постоянно. Также по просьбе Любы точно припомнила: кто, что и как сказал, буквально по словам и интонациям. Более того, кто к кому подошел и когда именно, детально описала мизансцену.

– Углубляясь в детали и воспроизводя реплики, я подумала, что Люба проводит со мной обычный сеанс терапии, заставляет повторять, чтобы я отделалась от назойливого впечатления. Сама иногда пользуюсь таким приемом, но вскоре выяснилось, что нет. Прослушав третью, дополненную версию визита в квартиру № 71, Люба закурила сигарету и уверенно произнесла вердикт.

– Правильно пришла. Опять не твоё, скорее всего, клиника.

– Надеюсь, что не я? И не бедная Людмила М.?

– Пока нет, – успокоила меня Люба. – А вот девочка...

– Какая? Кристина? – удивилась я. – Так она скорее на мамашу указывает. – Имя, претензии, в курсе семейных дел и полная безнаказанность, итог – избалованное дитя агрессивной матери. Пошла по стопам, мне кажется.

– Не совсем так, – сказала Люба. – У тебя уже чутье формируется. Поначалу это мучительно, что-то свербит, а понять не можешь, у всех так. Почтище любого детектива, между прочим. Вот ты и пришла к специалисту, совершенно правильно, называется консилиум. Конечно, пока я твоей девочки не видела, ничего конкретного сказать не могу. Но

как дефектолог сразу определяю характерные детали поведения. Ребенок неконтактный, расторможенный, реагирует на неодобрение неадекватно и агрессивно, производит тяжёлое впечатление. А что там конкретно: трудные роды, бытовая запущенность или реальная патология – только время покажет. Но это проблемы для родителей. Кстати, они тоже реагируют стандартно. Мать устранилась, а бабушка бросается на защиту, ищет объяснений и оправданий. Они ещё хлебнут. То, что девчонка мамин секрет выдала, не моргнув глазом – это цветочки. Кстати, глазки какие?

– Голубые, холодные, недружелюбные, – отрапортовала я, припомнив девочку Кристину. – Пристальные.

– Всё правильно, напряженный взгляд, – заметила Люба. – Ты, Катюша, себя не вини, что воспользовалась детской непосредственностью. Это известная патологическая черта – ставить окружающих в неприятное положение, характерный симптом. В присутствии «патологента» сразу становится неловко и пропадает естественность.

– Мне стало легче, спасибо вам, доктор Люба, теперь ясно, что это не мои проблемы, – обрадовалась я. – А то всю дорогу волновалась, что наваляла дурака, какого – не знаю.

– Всегда пожалуйста, – ответила доктор Люба. – На то нас учили, а если ты к ним ещё раз пойдешь, то спроси, как девочка относится к животным.

– Я вряд ли к ним пойду, но если выпадет случай, то непременно спрошу, – я очень заинтриговалась. – А что?

– Ничего особенного, спроси и скажи мне, просто любопытно, – завершила Люба.

– Настаивать я не решилась, всё же она доктор, а – я дилетант, хотя и с чутьём. Далее мы с Любой потолковали о разном, но я быстро засобиралась, поскольку во время беседы всплыла идея, как обернуть врачебные наблюдения в помощь Людмиле Мизинцевой. Возникла отличная схемка, отчасти рискованная, но радикальная. Схему следовало обкатать и представить на одобрение Людмилы. Но, если план сработает то Людмила Мизинцева – моя должница и вечный добровольный информатор. Богатая явилась идейка, ничего не скажешь, только Людмиле придется сыграть роль. Будет ли она в состоянии, вот в чем вопрос?

Избавившись от ненужных беспокойств (спасибо Любе!), я раскинула мысли во всех направлениях и просидела до поздней ночи на кухне. Пересматривала досье на обеих рыбаловских девушек и сочиняла разные планы с участием множества персонажей.

Если бы знала, чем обернётся мне следующий день, то, пожалуй, не торопилась домой совсем, а пила чай у Любы часов до двух. Она позволяла, поскольку к режиму относилась на диво спокойно, не делала из него культа.

Неожиданные звонки пошли серией как раз во втором часу ночи, вернее утра. Надо было отключить телефон, но не догадалась.

– Катенька-змейка, будь ангелом, подежурь за меня зав-

тра, – первая взмолилась кузина Ирочка. – Если можешь, то пожалуйста.

– Недавно вернувшись с маленьким сыном из Соединенных Штатов (её муж Борис пока остался там, устраивался на должность международного чиновника или что-то в этом духе), Ирина пошла работать редактором на ночное радио. С раннего утра их станция выходила в эфир по-английски на два часа для московской аудитории. Для исполнения данного проекта, Ирка являлась поздним вечером, в течение ночи снимала с телетайпов материал, готовила информационные блоки и дремала на кресле в перерывах. К шести часам приходили дикторы, англичане и американцы, читали в эфир, что им Ирка понаписала, а она сидела в аппаратной за пультом и управляла процессом. Чередовала информацию с рекламой и музыкой, иногда включала в передачу телефонное интервью с комментаторами англоязычных газет. Платили весьма неплохо, но работёнка была адова. Я познала предмет на собственной шкуре, Ирина иногда просила её подменять, а я малодушно соглашалась. Ко всем прочим прелестьям ночной службы, в английской редакции «Навигатора» имелся шеф, сумасшедший юноша по имени Иннокентий.

– Я-то могу, а вот Кеша твой, – дипломатично намекнула я.

Потому что в душе очень желала отбаяриться. Только ночного радио мне не хватало для полного счастья!

– Кеша уехал за город, – радостно сообщила Ирина. – Я

тоже хочу, мальчишку уже неделю не видела. Пропуск оставлю у дежурных внизу, читать будут Пенелопа с Бастьеном, так что нет проблем. Пенелопа тебе заплатит, она как раз мне должна, так что все путём. Спасибо тебе, змейка-ящеричка, ты меня просто спасла!

– Ладно, езжай на дачу, поцелуй Славика, привет предкам! – ответила я.

Далее тяжело вздохнула и приняла собственную добродетель в качестве награды, ну разве что в дополнение к будущей небольшой сумме в твёрдой валюте от доверенной Пенелопы.

Кузина Ирочка звонко чмокнула в трубку и отключилась, мне только и осталось, что проклинать свою вечную бесхарактерность. И деньги маленькие, и голова потом деревянная целый день, а попробуй – откажись! Иришка скучает по мелкому ребенку, а у меня никто по лавкам не плачет. (В октябре Кеша за мной на машине приехал, Ирку родители просто не пустили, день был как раз тот самый, везде по Москве стреляли, а в проходной стояли ребята в бронежилетах и с автоматами. Да уж...)

Однако, не успела я осмыслить перспективу ночного дежурства и раннего эфира, как телефон зазвонил вновь.

– Котик-Катя, вот удача, ты ведь не спишь? – по изощрённому подходу и богатым модуляциям я сразу признала старинную приятельницу Владочку Ким. – Могу я упасть тебе в ноги и одновременно припасть к стопам?

– Валяй, припадай, – я сразу- развеселилась, с Владкой не заскучаешь, но ухо следует держать востро.

– Ты мне завтра нужна просто не знаю как, форменная катастрофа, я в ступоре, никто, кроме тебя, – мелодично ныла Владлена. – Страшное дело, а я компенсирую. Модным парфюмом, у меня летняя сессия хорошо кончилась.

– Твоим парфюмом я уже торговать могу, – последовал мой бессердечный ответ. – А катастрофа наверняка мнимая. Может статься, я тебя прямо сейчас проконсультирую, не пойдет такой вариант? Завтра у меня завал.

– Нет, Котик-Катя, ты мне нужна завтра и во плоти, – грустно, но настойчиво заявила Владлена. – Примерно с семи, часика на два. Может, выкроишь, я тебе в ножки поклонюсь. Бог с ним с парфюмом, отдам всё, вплоть до папиных собраний сочинений.

– (Владкин отец писал замечательные шпионские романы, чем и был известен.)

– Ты бы хоть пунктирно обозначила, на что я тебе сдалась, тогда посмотрю, найдется у меня время или не очень, – я осторожно вступила в торг.

– Хитрая какая, сестричка-лисичка! – вознегодовала Владка. – Я поведаю печаль, изолью душу, а ты возьмёшь и заявишь, что пустяки и суета. Знаю я тебя, девушка, уже не первый год. Всегда была пошлой пуританкой.

(Понятно. Значит, у Владочки очередные любовно-романные затруднения, её нужно вызволять. На моей памяти,

а это далеко не все собрания сочинений, апофеозом Владкиных жестоких романсов стал эпизод, когда машинист московского метрополитена душил подругу в её прихожей. Не кому-нибудь, а мне пришлось мчаться по паническому звонку и отговаривать парня от криминального поступка. Удалось с большим трудом.)

– Однако ты меня заинтриговала, – неискренне протянула я.

– Котик, пообещай, что приедешь, тогда я всё скажу. А то мы всю ночь проторгуемся, – заметила Владлена.

– Говори, я слушаю, а потом приму решение, – пообещала я.

– Ну вот слушай. Начинается сказка с присказки, Ангелов уехал в радиактив, – по обыкновению начала Владлена.

(Владкин муж, болгарин Пламен Ангелов служил в Обнинске при ядерном заведении и всю дорогу катался туда-сюда.)

– Поэтому завтра я жду гостей, – продолжала Влада. – По делу и не очень, совершенно обалденный мужик с кафедры социологии. Не подумай плохого, он профессор, со мной бывает и такое. Квартиру прибрала, маникюр сделала, собиралась сочинять салат, как вдруг – извольте радоваться! Завтра в то же время мне сваливается на пару дней старинная подруга из города N. Отменить никого не получится, совместить невозможно! Профессора зовут Сеня Плискин, а девушка Таня давно спятила, ищет заговоры национальных и

религиозных меньшинств. Преимущественно еврейских, ей так больше нравится думать. И вот она заявила по телефону, что наконец обнаружила, причем в планетарном масштабе...

– Да, тебе не позавидуешь, – обронила я бесстрастно.

– Не надо завидовать, ты лучше приезжай. Сначала изобразишь, как "гости съезжались на дачу", никому не будет обидно, после возьмёшь Таньку под локоток и отведёшь в кабинет толковать про еврейский заговор. Она польстится на свежую слушательницу, и моя честь будет спасена, – наконец Владлена изложила просьбу.

– При двух условиях. Салаты изволь приготовить на совесть, а я уеду ровно в десять, почти, как Золушка, – я опять согласилась, ну если нет характера, то откуда взять?

– Котик-Катя, ты самая любимая! – воскликнула Владка.

Спать я направилась в глубокой задумчивости, поскольку никак не могла охватить мыслью всех дел, которые наметила к исполнению на завтра, вернее, наутро. На сон грядущий, запирая окно, я вроде бы уловила мелкие шелестящие капли в воздухе, или подумала о них, точно не помню.

2

Наутро и слишком скоро в сонные грёзы вонзился звон будильника и позвал вершить великие дела. Верный друг, обиженный Морфей нехотя отлетел от подушки, а свободное место занял быстроногий Гермес, покровитель инфор-

мации, деятельности и плутовства. Сквозь уходящий сон я почти воочию видела, как беленькие крылышки на его волшебных сандалиях нетерпеливо подрагивают. И мы с ним приступили.

Хорошо, что дождь закончился накануне, иначе по первому пункту программы мне пришлось бы несладко. Поле деятельности по части информации и плутовства имело место на свежем воздухе. Даже ассистенту Гермесу пришлось бы поломать голову над таймингом, поэтому я пришлазаблаговременно, вернее, прибежала от метро, как заправский бегун, и продолжала круговое движение подле нужного подъезда, пока замысел не увенчался успехом.

Бородатую подружку Психею я никогда бы не опознала в ряду чёрных сородичей, но подъезд и привязанная к Псише девушка подсказали, что объект вышел на прогулку. Я последовала за ними быстрым шагом, и вскоре мы оказались на заросшем травой стадиончике, в каком-то заброшенном филиале динамовского большого брата.

Обе наблюдаемые барышни сделали несколько кругов по полю в хорошем ритме, затем Психею отпустили в свободный поиск и для исполнения естественных надобностей. Псишина девушка отошла в сторонку и хотела заняться утренней гимнастикой, даже частично разоблачилась, но я ее настигла: вынырнула рядом и вынула из кармана шорт аргусовское удостоверение с карточкой.

Тем утром всё шло не только по плану, но и по форме,

быстрокрылый Гермес взялся опекать Е.Малышеву (ту самую, которая младший компаньон) и следил за неукоснительным исполнением. Девушку звали Мариной Левченко, она жила как раз над искомой квартирой № 71 и неплохо знала обитательниц. Мою легенду она приняла без протеста. Я сочинила для Марины, что служу «охотником за головами», а именно, навожу справки в целях трудоустройства. Мол, серьёзные фирмы желают знать о будущих работниках как можно больше, причем интересуются их семейной и домашней жизнью. Что касается соседки Натальи (я с содроганием опустила фамилию, в надежде, что сойдёт), то она послала резюме в филиал зарубежной фирмы, которая поручила «Аргусу» разъяснить её обстоятельства. Если Марина помнит, то у Натальи я недавно побывала. Привет от Гермеса № 1!

Пока Психея бегала и нюхала вокруг нас, Марина успела кое-что рассказать о семействе Белик-Сыроежкиных-Майстровских. Бабушка, мамаша и дочка носили разные фамилии в силу тех обстоятельств, о которых Марина подробно поведала. Квартира под номером 71 пережила серию последовательных разводов, в результате чего беззащитные женщины остались вариться в своём соку.

Информации оказалось много, кое-что мелькнуло ценное, но я вырулила к цели и задала вопрос, подсказанный Любой накануне. То есть, как Кристина относится к животным, в частности к Псише.

– Не знаю, нужно это фирме или нет, но Кристинка злая девчонка. Она лапку Псише выкручивала, когда та была щечечком, просто так, для забавы, представляете? – поделилась Марина.

– Что и требовалось доказать, – через полчаса объявила Люба, угощая меня чашечкой кофе кухне. – Немотивированная жестокость к животным, плохая симптоматика, неважный прогноз, гони их к детскому психологу, пока не поздно.

Между прочим, Люба ничуть не удивилась, когда я встала на пороге её квартиры в восьмом часу утра и выложила собранные данные. Мальчишки Глеб и Федор еще спали, пес Тихон крутился возле стола, и возникало впечатление, что я никуда не уходила. Приятно иметь дело с профессионалами, дело их волнует в любом часу дня и ночи, гораздо больше, чем деньги, хозяйство и настроение.

После второй чашки я поблагодарила Любу и отбыла к себе, принимать душ и уточнять список дел, сократившийся на два первых пункта. Оставалось их до хренской матери, как выразился бы Валентин. Кроме намеченных вечерних развлечений у Владки Ким и на радио "Навигатор", мне предстояло:

а) подъехать в контору "Аргуса" чтобы принять трёх плановых дам – часа на два, никак не менее;

б) далее навестить Людмилу Мизинцеву, представить на суд схему действий, и, наверное, слегка ее потренировать;

в) вслед за тем сгонять в издательство "ВРАН" получить

договорную работу.

Планируя пункт «в», следовало учесть, что сидел "ВРАН" крайне неудобно, на отшибе, по соседству с больницей имени Кащенко. Добриаться приходилось через парк скорбного дома, что обычно являлось предметом плоских шуток типа: "Как дела в вашем сумасшедшем доме?" Служащие издательства не обижались, привыкли.

Кроме всего прочего не мешало бы заскочить на базовое предприятие, в родное издательство "Факел", там давно завалялись невесомые деньги и повестка в судебное заседание по факту плагиата гражданина Абрикосова с какого-то дешевого импортного образца. Но я с основанием побаивалась, что "Факела" мне уже не поднять, ни сил, ни времени не останется.

Обозрев в печали план предстоящих дел, я составила на компьютере маршрутный лист, чтобы ничего не забыть, и тронулась исполнять. Отзвонила Людмиле Мизинцевой, попросила ждать меня после часа и придержать дочку, если возможно. Затем предупредила Валентина, что буду в конторе полдесятого с клиентками, пусть он уберет с глаз противную конторскую девицу Мальвину, а то она смотрит на моих дам, как солдат на вошь, и сильно их смущает. Далее уточнила в сумасшедшем доме время своего появления, чтобы не разминуться хотя бы с одним из владельцев. Уф...

После чего приняла пищу без всякого удовольствия, как мадам Мерчуткина, и стала сочинять себе форму одежды на

все намеченные случаи деятельности. Это, как очень скоро выяснилось, было самой зубодробительной задачей дня, как тут не позавидуешь Гермесу в хитоне и сандалиях на босу ногу! Твердо я знала одно. К следующему утру вся форма одежды пойдет прямым ходом в стирку, из чего надлежало исходить. Заявленным требованием ответило лишь одно платье в мелкую черно-белую клеточку и с разрезом на юбке, чтобы не очень мялось. К нему подходили чёрные замшевые сандалии, но без крылышек.

Сумку пришлось взять самую большую, ею, как всегда, оказалась дурацкая лакированная торба, только туда влезали все надобные атрибуты, включая зонтик, плюс ожидаемые во "ВРАН" е рукопись с английской книжкой. Обычно в издательстве просили не только редактировать перевод, но и сверять с оригиналом, поскольку переводчики могли халтурить или не врубиться в детали заграничной жизни.

Некстати вспомнился эпизод, когда весь "ВРАН" чуть не скончался от смеха и недоумения. Мне довелось обнаружить замечательный ляп переводчика. В оригинальной рискованной сцене парочка исполняла акт в ванне джакузи, вода вокруг них бурлила. А толстый, работающий, замученный пошлыми деталями переводчик Боря Флягин с чего-то вообразил, что персонажи этим занимаются на катере, посреди морских волн. В голове у Бориса что-то повключалось-повыключалось, в конечном итоге вышло, что парочка катается по морю в ванне и ухитряется при этом выделять затейливые

эротические пируэты.

Вот такие реминисценции несла в себе лакированная торба, верная спутница моих скитаний по издательствам. Вообще-то я избегала пользоваться ею в иных обстоятельствах, заметив, что чёртова сумка провоцирует странные выкрутасы событий или повергает меня лично в несерьёзный настрой, что кончается практически тем же.

И не мудрено. Вот взялась за ремень и привет горячий, вспомнила любовь в море-ванне, значит прости-прощай деловое настроение, в голову непременно ползет что-нибудь в подобном духе. Однако другой ёмкости для рукописи с книгой у меня не завелось, пришлось мириться с весёлыми воспоминаниями, закидывать торбу за плечо и выскакивать пулей, чтобы успеть на встречу с первой клиенткой в "Аргусе".

Плановые беседы по поводу супружеских измен разной степени серьёзности обошлись на сей раз легко, женщины ходили ко мне постоянно, требовали только ободрения и подсказок, а новенькую клиентку я переправила Валентину. Девушка пришла молоденькая, очень симпатичная, студентка института восточных языков. На её хрупкие плечи свалилась невнятная семейно-имущественная проблема, с которой ей было недосуг разобраться. Мне тоже не очень хотелось вникать с утра, кому и по какому праву принадлежит половина дачи, посему я с лёгким сердцем послала барышню дальше по коридору к уважаемому владельцу и старшему компаньону. Я знала, что Валька не обидится и охотно про-

консультирует такую милую девочку. А Мальвине, его секретарше будет особенно приятно.

Так оно и случилось, через полчаса Мальвина явилась ко мне с перекошенным лицом и передала без всякой приятности приглашение шефа зайти к нему на минутку. Мальвина, если не ошибаюсь, в прошлой жизни ее звали Лидой, всю дорогу подозревала нас с Валентином в недозволенных отношениях и мечтала поймать в действии, чем меня иногда утомляла. Валентин похвалил новую клиентку и сказал, что завтра или послезавтра мы начнем поход по рыбаловским дамам, он уточнит день. В ответ я отдала компаньону схему своих передвижений, точнее, обозначила где искать мой труп, если что...

В квартиру Мизинцевых на Веерной улице я прибыла почти как обещала, около двух часов пополудни и успела кратко переговорить с дочкой Светланой, рвавшейся на волю. Дочка оказалась умненькая, спокойная и недурная собой на германский манер, пепельно-светлая и сероглазая. Совсем юная Гретхен с университетским апломбом. Ко всему прочему девочка знала себе цену и беседовала на равных, как с матерью, так и со мной.

Сначала Света подтвердила, что через два дня на третий дежурит в галерее "Утро", но никого похожего на Рыбалова там не замечала, и разговоров о нём не слышала. О сменщице Светлана охотно сообщила, что та замужем за известным режиссером и назвала фамилию. Тут я сообразила, каким

боком мы с Альбиной могли соприкасаться. Женя К., кинорежиссер, дружил домами с Леной Бардиным, моим "факеловским" автором. Леня иногда рассказывал об их семействе и веселой жизни творческого работника, отца троих детей и мужа удивительной женщины Альбины.

На минуту отвлекшись от дела, я чуть не упустила главного, а именно напроситься к Свете в галерею, чтобы осмотреться внимательнее. Девочка не возражала, дала телефон «Утра века» и записала свое расписание дежурств. Очень деловая оказалась барышня, она мне понравилась, хотя наше знакомство вышло кратким. Перед уходом Света напомнила мамаше рассказать историю с Утюгом, причем не давешнюю, при участии ОМОНа, а свежую, происшедшую буквально позавчера, когда мама с дочкой вешали белье на балконе.

Людмиле, как я понимаю, было не до Утюга, ее волновало другое, но раз упомянутый, Утюг должен был всплыть. Оказывается, Петр Зуев, по дворовой кличке Утюг, нигде не работающий и сильно пьющий, обратился к семейству Мизинцевых в первый раз со времени прискорбного происшествия с ОМОНОм. До этого он делал вид, что не замечает соседей и таит планы отмщения за поруганную честь и свободу.

В указанный день Зуев-Утюг высунулся в окно, когда увидел обеих Мизинцевых на балконе и стал их предостерегать от излишних контактов с чужими. У него сложилось мнение, что непонятная тёлка, шастающая по двору и наводящая справки, может быть связана с пожаром и убийством у

них на задворках накануне. И никто не скажет точно, какую сторону тёлка представляет, может, как раз тех, кто трупешник у них во дворе организовал. Вот такую информацию о слухах во дворе я могла взять себе на заметку.

Я благосклонно выслушала обвинительную догадку в свой адрес и приступила к драматическому рассказу о своей деятельности по делу семьи Мизинцевых. После троекратной репетиции у Любы повесть о посещении квартиры № 71 вышла замечательно выразительной. Людмила выслушала не шелохнувшись и стиснувши руки в крепкий замок. Далее я ознакомила клиентку с заключением эксперта Любы Разумовской и предложила Людмиле сыграть роль в театре одного актера. Зритель также предполагался в единственном числе.

Сценарий и драматургию я максимально приблизила к реальности, лишь предложила сменить акценты. По моей версии Людмила должна была признаться мужу, Анатолию Мизинцеву, что в его отсутствии их с дочкой замучили анонимные звонки. Появлялись женские голоса и говорили гадости, не сообщая ничего конкретного. Людмила якобы встревожилась за дочку Светлану и пригласила специалиста из агентства "Аргус" разобраться в ситуации. Контору она нашла по газетному объявлению, мы с Валькой действительно публиковались в "Экстра М" и Центре Плюс".

Из "Аргуса" к ней пришла Екатерина Малышева (визитная карточка прилагается) и принесла аппаратуру: опреде-

литель номера и к нему магнитофон, чтобы поймать анонима в действии. Не желая волновать главу семьи, Мизинцевы-дамы держали предприятие в секрете, всё могло оказаться пустяками, не стоящими внимания. В принципе так и вышло. Е.Малышева из «Аргуса» считала показания приборов, там выявился номер телефона, и адрес нашелся в компьютерной программе с перечнем московских абонентов. Ни адрес, ни фамилия абонента ничего дочке Свете не сказали, тогда Е.Малышева, младший компаньон «Аргуса», направилась ознакомиться с анонимами лично, разумеется, за отдельную плату.

– Ох, я не смогу, – догадалась Людмила. – Как я ему скажу, что вы пришли к Наталье Сыроежкиной? Я умру...

– Никакой Натальи Сыроежкиной, все останутся живы, – я заверила испуганную клиентку, и произнесла убедительную речь. – Ваш личный детектив Е.Малышева пришла по указанному адресу и обнаружила очень странную семейку. Скорее всего, они не вполне уравновешены, девочка точно со странностями, в доме тяжёлая гнетущая атмосфера. Мужья у обеих женщин, Белик и Майстровский, свалили давно и напрочь, ребёнка во дворе так не любят, что девочка гуляет на балконе. Не семейка, а сплошной кошмар! Девочку Кристину, во всяком случае, точно пора лечить.

Далее Е.Малышева выяснила, а Людмиле следует запомнить, что младшая из женщин, Наталья, хотела устроиться в солидную фирму, но не получилось. У детектива возник-

ло предположение, что ей отказали не где-нибудь, а в фирме "Диамант", причем виновным она считает А.Мизинцева, справедливо или нет – неважно. Соответственно, не вполне адекватная женщина раздобыла их домашний телефон и названивает в отместку. Е.Малышева их очень строго предупредила, однако признала, что лучше оставить дело без последствий. Во-первых, оно дурацкое, во-вторых, нету материала даже для гражданского иска, а в-третьих, лучше пожалеть неблагополучных женщин. Звонить они, скорее всего, больше не станут, и в принципе безвредные, только чуть сдвинутые. Людмила тоже так считает, и на этом спектакль можно закончить.

Людмила не сразу оценила элегантность схемы, к тому же боялась, что не сохранит хладнокровия и провалит дело, в чём заключалось слабое звено предлагаемого плана. Однако, после трех-четырех репетиций у неё стало получаться вполне сносно, на шестой раз в голосе появились уверенные нотки, а к десятому она подошла творчески, с докторским апломбом пожалела девочку Кристину и её бедную маму.

– Сойдёт, – я одобрила двенадцатую версию, не доводя дело до чертовой дюжины. – Получается тип-топ, вполне натурально, можно ещё самой порепетировать. А если вдруг окажется, что вы, Люда, не в силах играть перед мужем, то и это не беда. Остановитесь в любом месте, взмахнете безнадежно рукой и отошлете его к Малышевой в "Аргус", карточка прилагается. Главное, чтобы успели рассказать про анонимные

звонки, можно привести цитату. Вы что-нибудь помните?

– «Когда же ты сдохнешь, старая корова?», – без выражения процитировала Людмила. – Ещё надо? Нецензурное?

– Вполне достаточно, – заторопилась я. – Больше не надо.

– А если сказать, что Света обратилась к вам в агентство? – предложила Мизинцева-старшая. – А я включилась после, вроде никого не подозревала. Знаете, предположить измену, это как бы её допустить, мне не хотелось бы заходить за эту грань. Пока муж думает, что я ни о чем не догадываюсь, мне легче, он вроде бережет мой покой. А она, она ведь нарочно звонила, чтобы я обвинила мужа в измене и тем её обнародовала. Тогда пойдет другой разговор, и пути назад не будет.

– Люда, откуда вы это взяли? – искренне восхитилась я.

– Всё время думала, взвешивала, дошла до невроза, вот откуда, – горько похвасталась Людмила.

(Реплика в сторону, ведь спрашивал Валька неоднократно: «Почему это, прелестное моё дитя, умные женщины к тебе не ходят?») Я отвечала в том духе, что в сложных личных обстоятельствах умных женщин не бывает, все мы глупы до крайности. И не только женщины. Однако Людмила Мизинцева спокойно опровергла теории и ответила на Валькин вопрос исчерпывающим образом.)

– В принципе ваши мысли вполне правильные, если бы не звонки, то вам и помогать не надо, сами справляетесь, – сформулировала я. – Собственно говоря, эти анонимные

звонки, они свидетельствуют, что семья крепкая, и без помощи жены мужа у неё не увести. Сам он уходить не хочет, вот они и подталкивают.

– А ведь правда, как я не сообразила, – удивилась Людмила. – Может быть, тогда ничего мужу не говорить, пускай сам разберётся?

– Вот это вы решайте сами, – ответила я. – Однако учтите, там идет серьёзная работа, вашему мужу пытаются всучить новую семью. Как они это делают – мы не знаем. Поэтому ему полезно взглянуть на ситуацию с другой стороны, но без прямого нажима. И он должен знать про анонимные звонки. Но пускай сам сообразит, зачем Наталья Сыроежкина говорит вам гадости, оставьте ему эту догадку.

– Правильно, в крайнем случае пошлю к вам. Спасибо, Катя, вот ваши деньги, а я вам дам знать, что получилось и по вашим делам тоже, – пообещала Людмила.

После получения гонорара я оформила договор с Людмилой Мизинцевой от имени агентства «Аргус» и отбыла, тепло с хозяйкой попрощавшись. Далее покинула Веерную улицу и поспешила во "ВРАН". По всем пунктам программы я стабильно опаздывала почти на час, так что сквозь больничный парк имени Кащенко неслась на крейсерской скорости, заранее предвкушая момент, как никого из владельцев соседнего сумасшедшего дома не застану. Вышло бы неприятно, я планировала с руководством некие переговоры, точнее, мелкий торг.

Издательство "ВРАН" обрело загадочное и слегка пугающе название вполне элементарным способом. Совладельцы предприятия, Володя Рощин и Андрей Никифоров, не долго думая, совместили свои инициалы и получилась аббревиатура. В начальном периоде существования к ней прилагался модный хвостик "ПРЕСС". Хвост отпал где-то на повороте, поскольку звучал и читался в высшей степени несолидно, давая пищу всяческому изощренным словесным поношениям. И в нынешнем виде, "ВРАН" уже без "ПРЕСС" а упреков не избежал; злоязычная причастная публика именвала совладельцев не иначе, как "вороньём", имея их в виду персонально вкупе со способом ведения дел. К тому имелись основания. За недолгий период деятельности "ВРАН" овские мальчишки зарекомендовали себя, как лихие флибустьеры издательского бизнеса. "ВРАН" овцы не брезговали ничем, скупали права и лицензии через десятые руки, иногда просто обходились без них, и пекли, как блины, любое чтение, на которое имелся спрос.

Лично у меня к ним претензий не имелось. Оставляя за бортом вопросы вкуса и приличия, я ценила "ВРАН" овскую широту и пунктуальность в деле оплаты. Деньги они давали неплохие, и, главное, сразу по предъявлении работы, даже не заходя в кассу, из личного кармана владельцев. Зато работу требовали скорую качественную, так чтобы от редактора прямо в набор, а как это получилось – твои проблемы. Сидела ли ты ночами, проклиная автора и переводчика, вписы-

вала ли целые страницы поверх кошмарной белиберды, хваталась ли за голову, сводя воедино имена и названия местностей (бывало, что коллектив переводчиков забывал условиться, как кого назвать) – так вот до всего этого "ВРАН" у дело не было, вынь и положь! На этих условиях работать с ними получалось легко и приятно.

По ступенькам "ВРАН" овского крыльца я взлетела бегом, вдохновленная видом салатного BMW на парковке, пронеслась по конторскому залу, разгороженному стеклянными клетками, и столкнулась в двустворчатых дверях с Андреем Ивановичем Никифоровым. Значит, BMW-шка принадлежала ему, учтём. Андрюша Никифоров, небольшого роста плотный блондин, едва достиг тридцати лет, однако он возмещал недостаток лет преувеличенной солидностью манер и стилизованным купеческим обхождением.

– Ну вот, Катюша Дмитриевна, а я уже уйду, – Андрей развел руками и попытался кивнуть головой на оставленный кабинет.

Мол, берите ваше барахло сами, Катя Дмитриевна, и до следующего приятного свидания.)

– А я думала, что вы меня прокатите, – я сделала наглую заявку. – И даже, может быть, подвезёте.

– Есть соображения? – благосклонно осведомился Андрей Иванович и замедлил движение на выход.

Очевидно просчитывал в уме возможные предложения, не исключая и собственной моей персоны. За голубыми мони-

торчками Андрюшиных глаз так и мелькали всяческие варианты, как деловые, так и не очень.

– По дороге расскажу, может, вам глянется, – заверила я. – Дел на полминуты, и недурная перспектива.

– Отлично, берите ваш пакет у меня на столе, и вперед, – согласился заинтригованный Андрей Иванович.

Скорее всего он рассудил, что задержка невелика, а отказ обидит опытного редактора и очаровательную даму, к тому же нарушит непринужденность общения. Не знаю, что на меня накатило, не иначе, как сработала чёрная торба, но вид салатного BMW на стоянке плюс желание попасть к Владке побыстрее, сплелись воедино и воплотились в идею, которая, мелькнувши, ослепила, вслед за тем осветила занятную перспективу.

– Вы знаете, куда я сейчас еду? – я завела неспешную речь, умащиваясь рядом с Андреем в салоне автомобиля. – На Черкизовскую улицу, в гости к умопомрачительной даме. Она дочка и единственная наследница Ролана Кима, он делал чудные романы. Разведка, шпионаж, Дальний Восток, все прелести разом. Вы в детстве не читали? Был известен, но случились неприятности со спецслужбами, он раскопал и вытащил что-то неудобное. Сложная история, его замолчали и забыли, он умер в неизвестности. А зря. Весь архив и права у дочери.

– В самом деле? Любопытно, – машинально ответил Андрей Иванович, выводя машину с парковки.

Однако отсутствие интереса меня не смутило. По интонации я поняла, что в любом случае до Черкизовской улицы издатель меня довезет. Подтверждая догадки, BMW сделал плавный неположенный разворот и поехал в сторону, обратную первоначальной.

– Светское знакомство, ни к чему не обязывает, – я несла импровизацию так, словно продумала и взвесила каждое слово. – Владлене будет приятно, что папу не забыли; не исключено, что вы сочтете интересным. Тогда мне, как посреднику причитается благодарность в обычном размере.

– Само собой, – солидно отметил Андрюша.

Тотчас стало ясно, что посредник будет ждать комиссионных до судебного дня, если не озаботится оформить сделку заблаговременно.

– Кстати о Владлене, она женщина потрясающе интересная, но очень непростая, – заметила я как бы между прочим. – Это к слову, если вы договоритесь. Закончила мехмат МГУ, там же преподает чистую алгебру, мозги чудовищной силы, но не сразу заметно. Поэтому, если вам покажется что-то другое, то не обольщайтесь, там профессиональный компьютер и железная логика. Мы с Владой знакомы лет двадцать, временами делаем друг дружке любезности, но в делах она...

– Посмотрим, обсудим, я всегда за, – пообещал Андрей Иванович, не сводя глаз с дорожной ситуации, каковая отнюдь того не требовала.

Значит вник, что в случае соглашения Владка меня не сбросит со счетов и не станет платить комиссию из сумм, причитающихся по наследству. В разговорах о Владлене мы проехали полдороги, и Андрей решил свернуть тему беседы на иные деловые направления.

– Да, хорошо, что вы меня поймали, Катенька Дмитриевна, – проговорил Андрей после паузы, заполненной дорожными помехами. – Этот ваш переводик... Книжка, «Драконы не спят никогда», требует, знаете, особой пристальности, я бы сказал. Мы с неё хотим начать серию, такая модная штучка. Экзотика, эзотерика, боевые искусства, всё вперемешку. Должно пойти, говорят, что захватывает, а нам следует открыть серию хорошо, броско. Тут мы с Володей на вас крепко надеемся, вы умеете и нужную приманку оставить, и ляпа не пропустить. Сами знаете, как на наши книжки смотрят, если найдут, за что зацепиться, то пиши пропало. Они такое понапишут, пух и перья полетят. Нам-то без разницы, даже напротив, всё равно реклама, но не хотелось бы.

– Я – всегда пожалуйста, – отозвалась я сухо, не люблю, когда просят сделать хорошо, как будто имеются иные варианты. – Дело, вроде бы, знаю, справлялась.

– Про вас речи нету, мы вам верим, но уж приглядитесь, – теперь попросил Андрюша Иванович. – Переводчика достали классного, но с крутыми прибабасами, извините меня великодушно. Знает дюжину языков, мнит о себе ещё на столько же. Крупный специалист по мистике, гностике, ме-

диевистике и чёрту в ступе. Деньги взял авансом, книгу обухлил начисто, сделал нам большое одолжение. Посмотрите, Катенька Дмитриевна, как он справился, ась?

– Что ж не посмотреть, если вы деньги за это платите? – напомнила я кротко.

– И премию, между прочим, за сложность и хлопоты, – подтвердил издатель. – А хлопоты вот какие. У вас сейчас в пакете треть рукописи, остальное он срочно ваяет, но живет у чёрта на куличках, незнамо где. Пока достанешь – замучаешься, телефон там архиерейский. Девочки наши извелись, с ним разговаривать нельзя, на всё обижается. Катюша Дмитриевна, возьмите на себя, вы дама культурная, может, у вас получится.

– Кого взять, мидиевиста или архиерейский телефон?

– Всё возьмите, номерок там указан. А когда отчитаете, то брякните ему, не сочтите за труд, чтобы он прямо вам на дом продолжение привез, а не сюда в безумный дом шлялся. А?

– Смотря какая премия за такой-то труд. Ещё и в няньки к специалисту меня налаживаєте, поимейте совесть!

– Уже имеем, премия в размере половины жалованья с листа.

– Тогда по рукам. Потерплю вашего мидиевиста в натуре, пользуйтесь моей добротой и безотказностью.

– Вами попользуешься, – неизящно заключил торг Андрей Иванович.

Определив салатный BMW на кратковременное приста-

нище за углом, мы с Андрюшей миновали гулкой старинный подъезд, затем проследовали в лифте на шестой этаж и позвонили в квартиру, где на дверной панели красовались три заглавные металлические буквы – КИМ. В отроческие годы Владлена всем морочила головы, что это не фамилия, а аббревиатура: «Коммунистический Интернационал Молодежи», первое прозвище ВЛКСМ, взятое папой в качестве оригинального псевдонима.

3

Звонок просвиристел, как умирающая цикада, дверь вскоре отворилась, перед нами возникла и постояла женщина странного вида, посмотрела на гостей пару секунд и ушла по коридору.

– «Здрасьте-пожалуйста, вот и *déjà vu*, девочка Кристина выросла, но не вылечилась», – подсказала злокозненная чёрная торба, толкнувшись в локоть, затем перескочила на немецкий акцент. – «Ах майн либер фрау Малышефф, держитесь! Приключения пошёл косяком, я предупреждаль...»

– «Цыц, проклятая!» – так же мысленно огрызнулась я, а вслух сказала Андрюше Ивановичу. – Дверь мы, пожалуй, закроем, раз больше некому.

– Это хозяйка? – корректно спросил Андрей, захлопнув за нами входную дверь и глядя в спину удаляющейся женщине.

– Никоим образом, – заверила я. – Надо понимать, гостья из провинции, здесь сегодня большой сбор. А вот и Владлена!

Действительно, в тот самый миг одна из дверей в дальнем конце коридора приоткрылась, и навстречу ошеломлённому Андрюше Ивановичу поплыла фигура, завернутая в плотные тёмные шелка с вышитыми стрекозами и хризантемами. Ярко-алый фулярчик парил над головой нездешнего видения, так что азиатские Владкины черты вырисовывались во всей смуглой прелести, являя бредовый контраст с фигурой. Дальневосточный экстерьер Владлена унаследовала от папы, а мама, рослая, крупная сибирячка одарила дочку добротной статью, смотрелась Владка и вправду умопомрачительно. Амурская тигрица, огромная ленивая кошка, что-то яркое, гладкое и опасное, такое первое впечатление производила Владлена. Дальше оказывалось интереснее, хотя, конечно, кому как везло. Когда Владлена приблизилась, стало ясно, что она вышла из ванны, вместе с ней наплыли букет ароматов и волна теплого воздуха. Она это умела.

– Катюличек, отчего не предупредила, что придешь не одна, – проворковала Владка, обращаясь к Андрею Ивановичу. – Я в таком виде... Ах, как неловко получилось!

– Владлена, познакомься, это Андрей Никифоров, совладелец и соглава издательского концерна "ВРАН", зашел на минутку увидеться с тобой, – я представила гостя по всей форме.

– Я очень рад, – уверенно заявил Андрей Иванович, пожирая Владлену глазами, даже чуть подался ей навстречу.

– Нет, Андрей Иванович, я не могу позволить, – шёлково прошелестела Владлена. – Если вы меня великодушно простите за беспорядок, то пойдемте со мной. Нельзя оставить вас в гостиной с Татьяной, она не всегда любезна, а мне нужно одну минуточку.

Буквально через секунду Андрей Иванович обнаружил себя у Владки в спальне, где был усажен на пуфик и, не мигая, смотрел, как Владлена под села к трельяжу, сдернула с головы алый фуляр, после чего длинные с медным отливом волосы гладко пролились на плечи.

Даже я, знавшая Владкины штучки наизусть, и то подда лась чарам, а что говорить о молоденьком Андрее Ивановиче! Надо заметить, что спальня у Владлены была предметом искусства, даже большего, чем всё остальное. Карельская бе реза с темными глазками, белое атласное покрывало, старинная ширма в углу и тройной эркер, задернутый плотны ми скользкими шторами – всё вкупе создавало почти осяза емую атмосферу. Любой входящий чувствовал себя мухой, угодившей в мёд. Андрюшу Ивановича, хоть бы он трижды был владельцем хищного «ВРАНа» требовалось срочно выз волять, и я рискнула.

– Андрей Иванович хотел узнать, что ты думаешь о папи ном литературном наследстве, в каком оно состоянии, и что бы ты хотела предпринять, – я смело высказалась, пристро-

ившись на лакированный борт старинной кровати.

– Да, хотелось бы посмотреть, – эхом отозвался Андрей.

– Мне, разумеется, приятно, что папины книги еще помнят. Я не специалист и пристрастна, но от многих слышала, что последнее и неопубликованное было интересно, хотя не мне судить, – ответила Владлена, потом спохватилась. – Нет, это совершенно не годится, так гостей не принимают, я сейчас, одну секунду. Извините, Бога ради!

Владлена подхватила что-то яркое с кресла, исчезла за ширмой, затем оттуда раздались шелест и шорохи, в сопровождении Владкиного голоса.

– Если Андрей Иванович посмотрит на моё собрание, то что-то я могу дать ему с собой, там есть редкое. Но, само собой разумеется, что рукописи и все неопубликованное – особая статья. Это если мы серьёзно сговоримся. Права у меня на пятнадцать лет, не знаю, что это может дать, никогда об этом не думала. Вот я готова, Катюличек, Андрей Иванович, идемте в кабинет, это рядом.

Владка вышла из-за ширмы вся в тёмно-розовом, взмахнула широким рукавом и перенесла гостей в соседнюю комнату, где по стенам теснились книги, а низкое ложе было устлано клетчатым пледом, тут спал Ангелов, когда бывал дома. Без особых церемоний я уселась прямо на плед, а Владлена повела Андрея к дальней полке и что-то ему толковала. К Татьяне в большую комнату мне идти не хотелось, остальные гости, по всей видимости, ещё не прибыли. Я просто си-

дела и праздно смотрела на обилие книг от пола до потолка, от потолка до пола, пока Андрей Иванович меня не окликнул.

– Екатерина Дмитриевна, будьте так любезны, покажите ту книгу, которую мы переводим, спасибо, – он вежливо попросил, а затем выпроводил меня из деловой беседы.

Для чего им понадобилась книжка о никогда не спящих драконах в бело-золотой обертке, я не узнала, но мне её быстро вернули. Чтобы не вслушиваться зря, я открыла книжицу и перелистывала страницы, так прошло какое-то время, пока в прихожей опять не затрепетал звонок.

– Надо самой открыть, – заявила Владлена и направилась на выход.

Повинуясь невысказанному пожеланию, мы вышли в коридор вслед за ней. Андрей Иванович торопился на заседание, я пошла его проводить, раз притащила в гости. Надеюсь, он не обиделся ни на меня, ни на хозяйку. Пока Владлена одновременно открывала дверь и любезно прощалась с Андреем, я заметила, как из ближней двухстворчатой двери смотрит давешняя женщина, очки перечеркивали её лицо косой темной линией.

Вхождение новых гостей и проводы прежнего Влада устроила без малейшей заминки, будто сменила сцены в той же декорации, и я мгновенно очутилась лицом к лицу с новыми персонажами. Пришедших оказалось двое, сразу стало ясно, кто из них профессор Сеня. Тот что постарше, с

обильной сединой в кудрявых волосах, он держался с завидной непринужденностью. Гость помоложе казался застенчивым, несмотря на солидные габариты. Пока в коридоре происходил церемониальный обмен любезностями, и произносились приветствия, второй гость держался в тени, не удаляясь от двери, как бы не вполне освоившись с тем, что он также приглашен.

Моим вниманием завладел профессор Сеня, Владка охотно подыгрывала, призывая сходу сообразить, чем милая девушка Катя может заниматься. Сеня угадывал с трёх раз, высказывая всё более экстравагантные предположения, то есть игрались приятные салонные игры. Второй пришелец в них не участвовал, всего лишь назвался Мишей и пару секунд подержал мою руку. Именно тогда я его рассмотрела и отметила, что второй гость слегка остранен, возможно, стесняется своей неординарной внешности.

Внешность и впрямь немного шокировала, я сформулировала тогда, как помню, примерно так: «если бы подруга Влада была восточной принцессой, то гость Миша вполне мог стоять на ступенях трона с ятаганом». Для полноты образа не хватало чалмы и шаровар, остальное соответствовало, имелись в наличии чёрные усы скобкой, и вороньи волосы до плеч разительно напоминали конскую гриву. Естественно, что без тюрбана и ятагана, на худой конец, без Владкиного алого платка, в потрепанном европейском платье гость Миша смотрелся странновато, чтобы не сказать

большого. Встреть я его вечером в пустом переулке, то не поручусь, что не убежала бы прочь с воплями. Скорее всего, именно по этой причине Миша держался в стороне, понимая, что к его виду надо привыкнуть, особенно в хорошем доме и в приличном обществе.

Тем временем приличное общество медленно переключалось в большую гостиную комнату, где на диване сидела всеми забытая первая гостья, Татьяна из города N. Сразу бросалось в глаза, что принадлежность гостьи к женскому роду была в некоторой мере условна. Несмотря на короткие темные кудряшки и цветастый летний костюмчик, Татьяна производила впечатление существа без пола и возраста, живущего в мире бурь и тревог, имеющего постоянный камень вместо хлеба и слёзы для утоления жажды. Если напрячься, то можно было счесть её яркой, духовно наполненной особой, взыскующей истины, неба и прочих сопутствующих радостей. Однако в моём понимании девушка прибыла из мира, где алчут страданий и получают желаемое полной мерой. Если это цинизм – то прошу прощения.

Кроме скорбной Татьяны в углу дивана, гостиная комната порадовала отлично накрытым столом на низких ножках. Поверх белой кружевной салфетки всё искрилось серебром и хрустальными гранями, а три старинные расписные миски содержали салаты различных сортов. Много всего разного можно сказать о Владлене, но принять гостей по высшему классу она умела, как никто.

Гости расселись вокруг столика, кто на диване, кто на креслах, им представили Татьяну, она что-то пробормотала и вновь углубилась в размышления. Судя по всему, компания, собранная Владленой, Татьяне не понравилась, но следуя правилам хорошего тона, никто этого не заметил.

Последующее время вокруг нарядного стола так и прошло под знаком хорошего тона, общество восхищалось блюдами и сервировкой, ело, пило и вело беседу о чем-то подобающем. Владка кокетливо пикировалась с профессором Сеней, я ей слегка подыгрывала, ела салаты и украдкой посматривала на часы, а Татьяна и Миша в общение почти не вступали.

После второй перемены салата я стала лениво подумывать, что, пожалуй, Владлена перестаралась и вытащила меня зря. В конце концов, она может отлично уединиться с Сеней, а в их отсутствие Татьяна развлечёт Мишу рассказом о жутком глобальном заговоре демонических сил и национальных меньшинств. Миша, в отличие от Сени, не производил яркого семитского впечатления, так что вряд ли оскорбился бы.

Насколько я смогла его разгадать, Миша был способен выслушать любую байку не моргнув глазом, затем выпить и закутить, поскольку у пивного ларька он слышал и не такое. Откуда возникла подобная ассоциация, судить не берусь, но я с удовольствием переадресовала бы соседу слева любые откровения соседки справа. Однако, пересесть незаметно возможности не представилось, и я сидела сам-третий в цен-

тре абсолютно неподходящей компании. Было скучновато, но терпимо, летние сумерки длились и не гасли, Владка и Сенья стали переговариваться в смутном отдалении, остальные сидели, как дальние родичи на сельских именинах, обмениваясь репликами гастрономического толка, а салаты почти приелись.

Долго-ли коротко длилась такая благодать, я не уловила, но когда сосед слева вдруг проговорил вполголоса: «Хорошо бы куда-нибудь отсюда уйти», я поняла что уже довольно давно опираюсь на его руку, как на подушку. Сладкая дрёма частично рассеялась, я слегка удивилась и ответила тихо, но честно.

– Я лучше посплю прямо здесь.

– Я польщён, – оказалось, что Миша оценил мое вежливое хамство. – Вот так мне не отвечали, пожалуй, никогда.

– А разве вы что-то предлагали? – я слегка удивилась.

– Два ноль в пользу Кати. Очень остроумная девушка, – тихо сказал Миша. – И деловая, с ума сойти можно...

Я не то чтобы растерялась, просто слегка затормозилась и не знала, как завершить ненужный разговор, но Татьяна выручила меня неожиданным образом.

– Ты их хорошо знаешь? – вдруг спросила она, обернувшись.

– Кого, их? – машинально ответила я, заметив про себя. – «Ещё один сюрприз, теперь соседка справа заговорила загадками»

– Всех кроме Владки, – пояснила Татьяна зловещим шепотом.

– Первый раз вижу, – исчерпывающе доложила я.

– Тогда идём со мной, я должна тебе что-то сказать, – потребовала Татьяна с маниакальной настойчивостью.

– «Вот не сидится им за столом, и всё тут!», – подумалось лениво, но Владка просила именно о том, я вздохнула и согласилась. – Хорошо, пошли.

Вылезая из-за столика и принося извинения, я поймала выразительный взгляд Владлены и поняла, что она ждала момента давно, а я дремала немой призыв. День выдался тяжелый и насыщенный, вот что... Милль пардон.

Мы с Татьяной не слишком грациозно вывернулись из-за стола и деловито проследовали в кабинет, оставив хозяйку и гостей на милость иного провидения. В кабинете Татьяна плотно прикрыла двери и приступила к делу, не мешкая ни секунды.

– Тебе теперь ясно? – спросила она прокурорским голосом. – Владка сказала, что ты понятливая.

– Совершенно ничего не ясно, – откровенно сказала я.

Интересно, что же Владка бедняжке наплела? Однако приходилось слушать что угодно, любую порцию бреда, время следовало тянуть ровно до десяти.

– Они сюда не случайно пришли, это понятно? – напористо продолжала Татьяна. – Владка дурочка и трепло, они воспользовались, ты понимаешь?

– Понятно, что не случайно, – разом я ответила на обе подсказки.

Потом, не торопясь, уселась на плед, где, оказывается, лежали моя торбочка и раскрытая книжка про драконов, вот приятный сюрприз! Татьяна продолжала стоять надо мной «воплощенной укоризной», как было упомянуто в романе «Бесы» Ф.М.Достоевского по другому поводу. Там кто-то стоял перед отчизной, зачем – не помню.

– Ты, Таня, всё перепутала, – я попробовала вразумить собеседницу, хотя подобных подвигов никто от меня не ждал. – Здесь наметилась самая обыкновенная вечеринка с эротическим уклоном, люди отдыхают от умственной работы, мы с тобой некстати затесались. Ты что, Владку не знаешь? Жанровая картинка в её вкусе.

– Знаю я Владлену, но неужели не ясно, не так это просто, я сверху чувствую, – страстно проговорила Татьяна. – Вот эти двое, сразу видно, что один – мозговой центр, а другой – телохранитель, боевик. Они пришли за мной, меня предупредили. Теперь надо думать.

– Татьяна, киска, – я неожиданно для себя перешла на лексикон Владлены. – Ты начиталась всякого вздора. Поверь мне, ничего, кроме невинных развлечений, здесь не планируется. Нас никто не заставляет участвовать, лучше посидим, поговорим. Хочешь, я книжку поперевожу, как раз об этом самом, мистике и боевых искусствах, называется "Драконы не спят никогда". Там тоже заговоры, только магиче-

ские, очень интересно.

– Значит, ты думаешь, что Владлена заодно с ними? – спросила Татьяна озабоченно. – Тогда надо уходить.

Увы, сбить Татьяну с установленного пути размышлений не удавалось, хоть застрелись, она всё понимала под одним углом зрения. Наверное, я опять столкнулась с клиникой, но под вечер изрядно устала и ввязываться в дискуссию сил не было, мне еще предстояла ночная работа.

– Я скоро и так уйду, – сказала я, но вспомнила о просьбе придержать гостью. – А тебе не советую, останься, не то Владка обидится. Она не виновата, что так получилось, ты у неё в гостях, святое дело.

– Где здесь телефон? Мне надо позвонить, – вдруг отрывисто спросила Татьяна и заозиралась.

– Да вот он рядом со мной, – указала я.

Далее уступила своё место, а сама передвинулась на край кушетки и вновь открыла "Драконов" наугад. В глупое и неприятное положение поставили меня обе девушки, одна наняла присмотреть за гостьей, а другая ввязывала в какие-то ненормальные дела. Теперь вот изволь слушать или не слушать её телефонные разговоры! Я демонстративно листала "Драконов", пока Татьяна не повысила голос, так что не захочешь, а услышишь.

– Я здесьне одна, я не могу говорить, понятно? – взывала она в трубку.

Как хотите, но это было чересчур, моя лояльность по от-

ношению к подруге Владлене испытания не выдержала, я швырнула "Драконов" на плед и вышла вон.

– Извини, я на минутку, – полученное воспитание заставило обронить реплику в пространство.

– «Ну их поголовно к Богу в рай», – сердито бормотала я про себя. – «Надоели хуже горькой редьки с любовью, заговорами и хорошим тоном, глаза бы никого не видели! Пойду на кухню и отсижу до десяти, надеюсь, что никого там нету, а сигареты имеются. Мои, вот же чёрт, в торбе остались, но у Владки бывает запас...»

Я миновала полоску света из-под дверей гостиной и напрямик устремилась на кухню по полутемному коридору. Надо сказать, что во Владкином доме старой постройки помещения располагались просторно, в искомую кухню путь вел не прямо, а изгибался коленом под прямым углом, вот там темнота сгущалась до полного мрака. Я сходу вступила во тьму и мгновенно налетела на живое препятствие, из кухни кто-то выходил, впрочем, я сразу поняла кто...

– А вот и Катя, – проговорил в ухо невероятно мягкий густой голос. – Наконец ты пришла, я искал.

– Ничего подобного, – я пробовала высвободиться из невольных объятий, но не получалось. – Я вас не искала, Миша, пустите меня!

– Я всё понял, – заверил Миша, вовсе меня не отпуская, – Ты ничего не знаешь, это Бог так распорядился. Он меня сюда привел, а я не хотел, но когда тебя увидел...

– Бросьте говорить вздор, – последним меня покинул редактор, все остальные сознательные голоса давно растворились во мраке. – Какой ещё Бог?

– Какой есть, скажем ему спасибо, – пояснил Миша и больше ничего не объяснял, по крайней мере словесно.

Покидая меня совершенно головокружительно, сознание обронило на прощание довольно безвкусную шуточку: «Ни в одной пошлой книжке действие не происходило в кухонном преддверии. Вот это отечественная экзотика, видит Бог!»

Далее я рекомендую обратиться к тем самым романчикам карманного формата, где на глянцевой обложке изображается неизменная пара в экстазе. Под яркими обложками авторши свое дело знают, а переводчики обоих полов по мере сил соответствуют стилю изложения. Меня прошу уволить, такие словесные подвиги на родном языке, увы, не под силу, ни в шутку, ни всерьёз, тем более от первого лица. Можно допустить что «её сердце и брэнное тело растаяли одновременно» – не блеск, но сойдёт. Однако если поменять местоимение на «моё», то получится фарс!

Способности восприятия возвращались не все сразу, а в прихотливой очередности, но я вдруг оказалась в том же коридоре у стенки, Миша меня обнимал и снова бормотал уморительный вздор в ухо.

– Такая строгая девушка, совсем неприступная, с ума сойти можно, давай отсюда уйдем. Хочешь – к тебе, или ко мне.

– Мне вообще-то на работу надо, – наконец выговорила

я, как только смогла.

– Так нельзя, я с ума сойду, – пожаловался Миша, не отпуская меня. – Какая может быть работа на ночь глядя, ты не девушка, а сплошная тайна, недоступная пониманию.

– Да, я очень таинственная незнакомка, – я согласилась в том же тоне. – Мне пора на ночной бал, и надо спешить.

– Тогда можно я побуду кучером в твоей карете? – тихим шёпотом осведомился Миша.

Именно тогда я поняла, что надо и впрямь спешить, иначе ночной бал на радиостанции «Навигатор» останется без моего надзора, окончательно и бесповоротно.

– Посмотрим, только сейчас отпусти меня, – попросила я, и Миша повиновался. – Вещи собрать надо.

– Только не задерживайся, тут полный бедлам, я жду у выхода, – сказал Миша и скрылся в темноту.

Пару секунд я постояла у стенки, пытаюсь освоиться с новой ситуацией, нисколько не преуспела и двинулась в коридор, где действительно тотчас начался бедлам, как правильно выразился Миша. Сначала послышались пронзительные вопли, потом вместе с ними в полутёмном пространстве замелькала Татьяна из города N., она металась от стены к стене, толкалась в двери и кричала в полный голос.

– Влада! Катя! Влада! Где они все? Отвечайте! – зывала она заполошно.

Меня Татьяна напрочь не видела, пришлось подойти, а потом отпрянуть, чтобы безумная девушка не вцепилась.

– Да вот я, и Владка на месте. Что тебе надо? – сказала я со всем возможным спокойствием.

Потом окончательно вывернулась из цепких объятий, зашла в кабинет, подхватила сумку с книгой и стукнула в соседнюю дверь, если я правильно вычислила, то была спальная комната.

– Влада, я ухожу, пока, – я простилась, и, не ожидая ответа, повернула к входной двери, но не тут-то было.

– Я с тобой, я тут не останусь! – заголосила Татьяна. – Владлена, где мой портфель? Скажи мне, умоляю!

«Вот только портфеля здесь не хватало для полного счастья», – я подумала, замедляя шаг в праздном размышлении. К лучшему ли, я спрашивала себя, что Миши нигде не видно? А также, стоит ли его искать, если он передумал?

– Что за бардак? – раздался из-за двери Владкин голос, в нём не пробивалось ни одной женственной нотки. – У себя дома нет покоя! Под вешалкой твой хренский портфель. Куда тебя несет? А чёрт с тобой!

Татьяна рванулась по коридору, что-то выхватила из под вешалки и оказалась у входных дверей раньше меня.

– Скорее, надо бежать, – толковала она взхлеб, почти отталкивая меня.

Но справиться с замком Татьяна не сумела, пришлось самой открыть дверь, затем захлопнуть за нами. Произведя эти процедуры, я шагнула на лестничную площадку и пролётом ниже, у внутреннего окна, увидела Мишу. Он курил, опира-

ясь на подоконник. Я сделала шаг к нему, но Татьяна неожиданно схватила меня за руку и потащила вниз по лестнице со страшной скоростью и несомненным риском сломать шеи нам обеим.

– Нет, только не это! – кричала она и волокла меня за собой.

Я только успела помахать Мише свободной рукой на прощание. Жизнь, безусловно, была дороже.

4

Последующую бессонную ночь, проведённую на радио "Навигатор", я только и делала, что размышляла о впечатлениях бурно прошедшего дня, особенно о последних. Стрелкотали телетайпы, которые я регулярно навещала, со всего мира шли новости. То обстрелянный гуманитарный конвой в Сребреницу (Босния), то взятая штурмом цитадель сектантов некоего Дэвида Кореша (США), то марш полковника Сурета Гусейнова на столицу (Баку) – я отрывала, резала и клеила, следя лишь за порядком изложения.

В дальнем углу редакционного помещения, в кресле дремала Татьяна из города N. Как можно было догадаться, она за мной увязалась. Не хватило духа отказать бездомной девке, я понадеялась на охрану при входе, но мальчишки обманули ожидания – пропустили без звука, смена выдалась нестрогая. Стражи порядка лишь предположили, что у Татьяны в порт-

феле имеется горячее и дружно пожелали присоединиться попозже ночью.

Так тянулось время. Татьяна клевала носом над книжкой "Жены вождей", я правила тексты и клеила их на бумагу, за окном, с незримым во тьме видом на Кремль, ночь начала выцветать, обещая близкий рассвет, а я продолжала пребывать в недоумении по собственному поводу. Видит Бог, впервые за тридцать лет своей жизни я попала в такой переплёт, потеряла понятие о своих впечатлениях – они смешались и вертелись, как фейрверк, разбрасывая искры вокруг.

Когда серый плотный туман занавесил голые окна, а бедная Танька со стуком уронила на пол "Жен вождей", я наконец сформулировала первое соображение и слегка шокировалась.

– «Какое счастье, что Гарик ушёл три дня назад», – так вот подумалось. – «Ничего не надо скрывать или, не дай Бог, сознаваться. Добрый Боженька милосердно избавил меня от испытания, скажем ему спасибо...»

На подходах к рассвету телетайпы забились в истерику все разом, я носилась туда-сюда и почти разбудила Татьяну, но на бегу настигла следующая догадка.

– «Какое счастье, что ничего подобного со мной раньше не было!» – само собой вылилось заключение. – «Чистить ботинки какому-нибудь идиоту – вот и все перспективы!»

Наконец, держа в руках мокрые от клея бумаги со свежими новостями, я подошла к окну и распахнула рамы. И толь-

ко тогда утренний воздух, зажжённые солнцем купола Ивана Великого и шелестящие ветки под окном соединились в единый сверкающий всплеск:

– «Какое счастье!»

– «Спасибо, не надо», – ответила я им всем. – «Теперь об этом надо забыть и поскорее. Будем считать, что случились глюки, от неожиданности и переутомления».

В последний раз я глянула на горящие купола и с головой нырнула в суетную деятельность. Ночное дежурство кончилось, следовало готовить себя к утреннему эфиру. Скоренько разбудив Татьяну, я сводила её в дрянной круглосуточный буфет выпить кофе, кое-как умыла, причесала и попросила на ближайшие два часа сидеть очень тихо и ни во что не вмешиваться.

То, что произошло на радио "Навигатор" двумя часами позже, вошло навеки в редакционный фольклор и надолго омрачило мои отношения с ближайшими родственниками. Поначалу рабочее утро двигалось по накатанной дорожке. В шесть часов пришли Пенелопа с Бастьеном – англоязычные дикторы, и уселись за столы проговаривать тексты с листочков. Иногда они вносили поправки, я неизменно соглашалась, если дело касалось тонкостей языка, но стояла на своём, когда смещались смысловые акценты, тут за редактором оставалось решающее слово.

Мне отлично помнился случай в памятном октябре 93-го, когда бравый Бастьен, вернувшись к утру из Останкино,

внёс такую лихую коррективу в Ройтеровские новости, что «Навигатор» закрыли бы назавтра, вместе с газетой «День», не вмешайся я самым решительным образом. И объясняйся потом, что австралиец Бастьен убеждённый розовый радикал в политике, кроме того, что убеждённый голубой гей по жизни. Кто бы, скажите на милость, стал вникать в оттенки его мировоззрения? В октябре, в ночь вооруженного противостояния у нас с Бастьеном вышел прелюбопытный скандал. Я громко упрекала его за коммунистические пристрастия, он в ответ обвинял меня в тоталитарных замашках. Всё это происходило под близкие звуки автоматных очередей и грохот проходящих по Москве танков.

Через полгода мелкие несогласия забылись, и мы с Бастьеном трудились в полной гармонии. С его напарницей Пенелопой Бентон работать было легче лёгкого, девушка относилась к делу с полной американской отдачей и стояла на ушах, пытаясь угодить шефу Иннокентию. Безумный наш Кеша трогал некую романтическую струну в заморском девичьем сердце. Бог ей судья, а пути его неисповедимы!

На Татьяну никто не обращал внимания, мало ли народу болтается в редакции в любое время суток. Татьяна в свою очередь сидела тихо, только иногда любопытствовала насчёт деталей, я ей на ходу объясняла. Вроде бы у себя в городе N. девушка служила в газете, ей было интересно.

Отрепетировавши новостной блок до блеска, мы перешли в аппаратную за углом. Татьяна увязалась вслед и уместил-

лась за пультом рядом со мной. Дикторы заперлись вдвоём в тёмной своей кабинке с окном во всю стену, мы обменялись условными жестами и точно в семь утра вылезли в эфир со свежими новостями на английском языке. Звукооператор Надя из студийной команды ассистировала, я занималась кнопками на пульте и почти забыла о наличии Татьяны, тем более, что нацепила наушники, отрезавшие меня от мира внешних звуков.

Так мы вкалывали до большой перемены, в это время на полчаса в эфир шло вещание по БиБиСи. Пенелопа убежала пить кофе, я выскочила покурить в коридор, а Надя пошла за дежурным техником, поскольку одна штучка на пульте стала зловредно западать. Татьяна осталась на месте и теребила выключенное устройство, потом к ней присоединился Бастьен, надо понимать, ему захотелось поболтать по-русски, он всегда пользовался случаем. Находясь в некоем отдалении от места вскоре наступивших событий, я лениво наблюдала, как Бастьен с Татьяной перешли в дикторскую кабину. «Бастьен знакомит гостью с аппаратурой» – подумалось мне. – «Вообще не стоило бы...»

Я не успела додумать почему именно, как музыка в динамиках прервалась хриплым треском и свистом, затем зашелестел вакуум, вкрадчивый сухой звук пустого эфира. Караул! «Кошмар, накладка, Кеша всех уволит!» – меня галопом внесло в аппаратную, где я успела выдернуть главную втулку, заглушив почти полностью громкий вскрик в эфире.

– Слушайте все! – мелькнуло с искажениями.

Сил достало на второе машинальное действие, я в панике справилась с чёртовым рычажком, и славные позывные БиБиСи вновь водворились в эфирном пространстве. После чего уже в полной отключке я узрела сквозь стекло, как Бастьен выдернул у Татьяны из рук микрофон. Вслед набежали сразу два техника – Надя подросла с подмогой вовремя, и потащили Татьяну из дикторской кабины.

Она яростно сопротивлялась, парни волокли её прочь как раз навстречу возникшей Пенелопе.

Естественно, в тот же момент заверещал внешний телефон, Надя сняла трубку, и в воздухе стало слышно, как Кеша кричит оттуда страшным голосом.

– Что ещё за чёрт! – услышала я, когда взяла трубку у Нади, она не обязана объясняться с Кешей.

«Хрен вам, уехал он за город, как же!» – между тем думалось мне, хотя было совсем не до того. – «Это была проверка, ловушка для нас, ленивых и нерадивых! Вскочил ведь ни свет ни заря, передачу свою слушать и дождался, наконец!»

– Ничего особенного, кнопка на пульте забарахлила, – чужими губами произнесла я, глядя в безумные глаза подбежавшей Пенелопы. – А что слышно было?

– БиБиСи уехало, пошли помехи, врезался голос, но тут же исчез, пошли позывные, – чётко доложил Кеша, затем спохватился и завопил опять. – Неужели нельзя смотреть внимательнее, каждый эфир дурацкие накладки! Кто из вас

виноват на этот раз? И вообще с кем я говорю?

– Извините Кеша, перерыв кончается, – я корректно информировала шефа и повесила трубку.

Далее плюхнулась за пульт и только вдвоем с Надей смогла кое-как включить проклятое устройство. Руки тряслись и не слушались. Зверская все-таки у Ирки работа, стресс на стрессе, не говоря уже о моём вкладе в общее дело.

Последний час изгаженной передачи прошел на автомате, все работали машинально и переговаривались только по делу, дикторы в эфир, а мы с Надей за пультом. Время для разбора полётов пока не настало, а эфир должен быть завершён, хоть сгори всё вокруг синим огнем – таковы правила. Только однажды, во время музыкальной паузы Бастьен подмигнул сквозь стекло и сказал в переговорное устройство замогильным шепотом.

– Это дух Дэвида Кореша вселился в наш эфир, – предположил он по-русски.

Как раз перед этим Бастьен читал сообщение, как сектанты Кореша оказывали вооруженное сопротивление и были сметены напрочь ураганным огнем.

– Вот Кеше и расскажете про Кореша, – предложила я, когда вещание завершилось, причём сказала по-английски, чтобы Бастьен знал, что его заслуги учтены.

– Откуда женщина взялась? – вопрос задала Пенелопа.

Я приготовилась нести покаяние, но Бастьен меня опередил.

– Меа maxima culpa, – по-латыни повинился он, это означало, что главную вину Бастьен признает за собой.

Бастьен никогда не забывал подчеркнуть, что один университетский год он провел не в родной Аделаиде, а в Оксфорде. Далее он перешёл на своеобразный русский.

– Я думал, что это будет смешной практический юмор, – объяснился Бастьен. – Она хотел to broadcast, просил позволение сказать "одно слово правды". Я думал, что микшер совсем не работает и будет очень весело слышать, что она говорит. Включил на кнопку микрофон...

– Так всегда бывает, – вступила Надя, звукооператор. – Как раз ключ заело, я пошла за ребятами и оставила в промежуточном положении. Катя в технике – не очень, я ей объясняла, а та слышала и...

– Призы всем поровну, кроме Пенелопы, – резюмировала я. – Женщину я привела. Ей деваться было некуда.

Несмотря на полное оправдание, Пенелопа страдала больше всех, её страшила немилость Иннокентия и грызла мысль, что она не уследила, потеряла бдительность. Для смягчения её терзаний, а также во избежание массовых увольнений мы разработали объяснение и написали докладную для Кеши на двух языках.

Бумага гласила, что при общем халатном попустительстве на радиостанцию проникла неизвестная террористка и пыталась захватить эфир, пользуясь благодушием Бастьена и отсутствием Пенелопы. Технические службы в лице Нади за-

нимались устранением дефекта аппаратуры, который дозволил злоумышленнице прорваться к эфиру ровно на секунду, но не больше, сам Иннокентий тому свидетель.

В экстремальный момент все раззявы очнулись и проявили себя достойно.

Катя (исполняющая обязанности Ирины Бобровой) мгновенно отключила террористку, а Бастьен вырвал микрофон из преступных рук, так что ущерб причинился минимальный. Пенелопа подроспела к финалу, когда прибыли подкрепления и удалили неизвестную прочь. Техники Саня и Вова подтвердили, что вытолкали девку вон из здания, она рвалась обратно, пока охранники на входе не пригрозили вызвать наряд ОМОНА. Далее докладная записка предлагала мысль, что хорошо бы не придавать дело гласности, поскольку никто не знает, какие будут последствия для радиостанции «Навигатор». В принципе кроме Кеши никто не врубился в накладку, а заинтересованные лица обязуются хранить молчание.

Меморандум принес Пенелопе облегчение, она захватила с собой обе версии и обещала донести до Кеши. Заплатить Иркин долг она и не подумала, либо забыла напрочь, либо полагала, что за такую службу платить должна я.

Документально завершив кляузное дело, участники оставили редакцию, тем более, что начала собираться дневная смена, и удержаться от разглашения было нелегко.

В 9.30 я отдала Иркин пропуск обратно и с облегчени-

ем вынырнула на свет божий сквозь стеклянную вертящуюся дверь. Мы с осатаневшим Гермесом сдали безумную точную вахту, теперь я жаждала лишь скорейшего свидания с заждавшимся Морфеем. Мы соскучились один без другого просто со страшной силой.

Глава третья

1

Не смогу точно определить когда, но далеко за полдень того же дня из неизученных глубин сознания поднялась и стала оформляться догадка, что вчерашним днём я упустила важный момент, потеряла существенную деталь головоломки. Сложность процесса осознания заключалась в том, что он происходил в усложненном состоянии, я пробуждалась от дневного забытья и не всегда могла отделить здравые мысли от обломков сновидений.

Как всегда, после ночных Иркиных дежурств, я всплывала к разумной жизни в замедленном темпе, а какие-то невнятные тени крутились рядом, сбивали с курса и создавали иллюзию непреодолимых препятствий. Досадная мыслишка о допущенной небрежности сперва пряталась среди обычных помех к пробуждению, но чем легче становился подъём, тем неотвязнее она вертелась возле, мелькая то хвостом, то плавниками, приобретая всё более зримые очертания. Я находилась где-то на полпути к поверхности дня, когда мельтешение надоело настолько, что я нарушила основное правило обращения с собственным ментальным механизмом. Взят

лась его контролировать, вместо того, чтобы плавно плыть по воле течений, зная, что меня непременно вынесет недалеко от нужной точки.

Ещё не в силах открыть глаза, но чувствуя себя в удобстве и комфорте, я наскоро слепила программку и запустила в процесс затяжного пробуждения. Стала неспешно перебирать события суточной давности, причем в обратном порядке, от дневного засыпания к прошлому утру. Разумеется, в очередь реальных событий лезли всяческие грёзы и бредовые измышления, но я могла их спокойно отмести – состояние позволяло, я уже чувствовала под щекой подушку, а закрытые глаза воспринимали свет дня.

С самого конца был Отче Валечка, он привёз меня домой на белой тачке с Антоном, поймал на выходе из «Навигатора», объясняя свою любезность заботой о рабочей лошадке, каковая ему нужна в приличном виде, а не издыхающая в оглоблях. Очень верное наблюдение. Вроде бы здесь всё чисто, правильно, морская прозрачная водичка и песочек.

Спиной вперед, как в кинотрюке, я вдвинулась в здание «Навигатора», крутанулась вместе с дверью, и сразу явился эпизод с безумной Танькой. Она захватывала радиостанцию, как Фидель Кастро в молодости, а я сломя голову ей препятствовала – крутой поворот, но тоже без подвохов. Просто mea culpa небольшого масштаба, привет Ирочке.

Ранее того, мы с Татьяной вместе бредём к метро, она что-то канючит, а мне совсем не до неё, хотя только что болванка

протащила нас по лестнице шесть этажей вниз на бешеной скорости, чуть головы не сломали – очень весело, но ничего кроме того. Едем дальше вглубь времени.

Опять та же безумная девушка носится по коридорам и жутко мне мешает, чем же это? Полутёмное помещение знакомо до потери сознания. Цвета, звуки, запахи, букет восточных ароматов, квартира Владки Ким. «Шёпот, робкое дыханье», «дыша духами и туманами»... Стоп, стоп, стоп! Афанасий Фет и Александр Блок вмешались зря, там никого из них не было в помине. «Во мраке заточенья» – нет увольте, Пушкина Александра Сергеевича незачем звать всуе, никакого заточения!

В полном мраке всплыл Миша фамилии и рода занятий, что смущало меня дополнительно. Понятно, к чему дополнительно. Закрутился во тьме фейрверк с искрами, «...беззаконная комета в ряду расчисленных светил». Лермонтов, что ли, Миша? Вроде бы он самый, если не Александр Сергеевич, что-то они у меня перепутались.

Потом «день обозначил купола», «в медленных жилах ещё занывают стрелы», «и не знаешь ты, что с зарей в Кремле...» – нет, дело так не пойдет! Я прошу всех удалиться вон! И вас, Сан Саныч, а вас в особенности, Марина Ивановна! Нечего лезть в голову, вас не звали, тем более, что я плыву как раз обратно, от рассветных идиотских озарений во мрак, где рассыпались искры, и меня не было, а было... «Из мрака соткался силуэт...» Не надо извращать Булгакова, Миха-

ила Афанасьевича, не было никакого силуэта, Миша возник вполне во плоти. Тем более, что отношения к делу сие не имеет, довольно перебирать наугад чужие лирические бредни! Проехали.

Далее в глубине дня обозначился званный вечер, ужин за низким столиком, крахмал, хрусталь, серебро. Владка Ким в блестящих розовых шелках с широкими рукавами – приторно, но прозрачно, никаких зацепок. Приехали к Владлене из «ВРАНА» с Андрюшей Ивановичем, белым вороненком. Тьфу, воронов, драконов и прочие магические атрибуты прошу на выход. Вместе с привередами переводчиками, которых должно опекать за полтора оклада.

Обратно сквозь парк имени Кащенко на трамвае и метро к Людмиле Мизинцевой, и бесконечные её монологи о сопернице – вот это ближе к делу. «Репетиция оркестра» – добрых снов вам маэстро Федерико, извините, без оркестра, мы с Людмилой проигрывали выступление соло. Потому что муж Мизинцев вроде должен понять, что ему дурят голову в странной квартире № 71, где девочка Кристина любит крутить собачкам лапки. Садический бред, клиника, приехали.

Ну раз мы уже с утра, то можно двигаться в нормальном порядке, вот и глаза скоро откроются, на дворе день... Итак, вчерашним утром я бегала пешком к большой чёрной собаке, кличка Психея, её питомица Марина подсказала, что с девочкой Кристиной непорядок. Доктор Люба потом подтвердила. Далее я сбегала в "Аргус", поболтала с жертвами

супружеских измен и отправилась к Людмиле Мизинцевой. Там девушка Света пригласила в подозрительную галерею(+) и бросила информацию о Зуеве Петре Утюге(+). Дальнейшие длинные сговоры с мамашей ценности для дела не имеют, кроме её будущей признательности, что проблематично.

Вот это, что ли минус, который меня угнетает? Ах да, плюсы я Вальке не сообщила, даже в кондуит не занесла, тоже минус. В итоге ++-, привет от Оруэлла, но мы уже в 94, проехали десяток лет, так что можно открыть глаза и выяснить, который час. Валька, закрывая за собой дверь, что-то громко вещал относительно часа пробуждения. Моего, естественно...

Пробуждение, приготовленное со всей мыслимой тщательностью, произошло мгновенно. Я всплыла к поверхности воздушным пузырьком, глаза легко раскрылись, и тут же меня охватил мягкий свет дня, приглушённый задернутыми шторами. В постели было очень заманчиво, но я выпрыгнула и, почти не касаясь пола, подлетела к окну, раскрыла рамы вместе со шторами и выглянула вовне.

Тотчас тёплое дыхание лета и подзолоченные невидимым солнцем древесные кроны подхватили в воздухе и стали мягко нашептывать вздор, что жизнь моя отныне прекрасна и изумительна, а земли я более не коснусь, так и останусь парить среди изумрудного свечения. «Очень может быть», – на сей раз я отнеслась к безмолвным уговорам благосклоннее. –

«Если всем так хочется, то пожалуйста, но прошу оповестить о приземлении заранее».

Закончив мысленный диалог с неодушевленным пространством, я подхватила с пола вчерашнее платье и сопроводила его в ванную комнату, где нам предстояла одна и та же процедура: мне под душем, а трикотажное тонкое платье последовало в стирку. Сверху примчались водяные струи и не навяли холодного забвения, напротив, показались сияющим водопадом в пронизанном солнцем зеленом гроте. Платье тоже не жаловалось, хотя ему добавили стирального порошка с каким-то мифическим лимоном. Эйфорический маразм входил в полную силу, но не слишком доставал, особенно, если удавалось цеплять к нему забавные фантики, фитюльки и булавки.

Сквозь пение волшебных струй телефонный звонок пробивался упорно и долго, но своей цели достиг, я обернулась большим полотенцем и поспешила к аппарату.

– Ну и что ты себе думаешь, спящая наша прелесть? – ядовито сказала трубка. – Я приходил поцеловать тебя, а во все не замок, трезвонил так, что мертвый бы очнулся! Было же сказано с утра на твой сон грядущий, что в четыре, а сейчас полпятого!

– Не надо брюзжать в телефон, даже отсюда видно, какие ты строишь зверские гримасы, – это я чуть приврала.

Валька стоял в телефонной будке, я могла видеть спину его пиджака, но отнюдь не выражения лица. Поодаль вид-

нелся роскошный синий «Форд» с Антоном за рулём, значит куда-то поедем.

– Лучше угадай с трёх раз, куда мы поедем, – предложила я в трубку. – Наверное тебе интересно? Поднимайся, и я скажу.

– Совсем рехнулась прелестное дитя, – проворчал Валентин, покинул платный телефон и двинулся в подъезд.

Надо было срочно одеваться, между прочим, и совсем не обязательно в халат, за который я схватилась.

– Ну, я-то угадал, куда нас Антоша повезет, я даже тебе говорил, если память не изменяет нам обоим, но это всё неважно, – проговорил Валентин, прочно усаживаясь в кресло. – Ты, дитя моё, какая-то удивительная, не знаю даже насколько это... Теряюсь в догадках и не могу понять.

– Тебе не обязательно, а поедем мы к Ирочке Корсаковой, только вот домой или в люди, скажи сразу, – наконец я раскрыла тайну.

– Конечно к Ирочке, – согласился Валентин. – Я сообщал раз несколько, но всё бестолку. Ты с утречка была приятно заторможенная, можно было везти в эмираты и сдать для гарема средней руки, ты бы не заметила разницы.

– Замечательная идея, вернее ассоциация, – я оценила проницательность компаньона. – Но ты не ответил на вопрос, где мы будем лицезреть телекрасотку, от этого много что зависит. Кстати, напомни, я должна внести в свои записи два плюса по делу. они хоть небольшие, но позитивные.

– Мне всё понятно, – резюмировал Валька. – Торможение ещё имеет место, но пробиваются и позитивные ростки, я рад. Так вот, Ирочку мы берем из киноцентра Ролана Быкова на Чистых прудах, точнее из "Ностальжи". Это модная забегаловка через стенку. Девочка влюблена в роскошную жизнь, так что прикиды на тебе правильные, не комплексуй. За Ирочкой все равно не угонишься, но одета по сезону.

Я интуитивно выбрала платье «по сезону»: густо-синее, на тонких бретельках, сверху маленький пиджачок, почти пелеринка, вырезанная цветами по краям и рукавам – щедрый подарок американской подруги, француженки Жанин.

– Теперь ты слушай, а я запишу, – я успокоилась и поведала Валентину позитивные моменты, собранные вчера у Мизинцевых.

А именно, будущий визит в галерею «Утро века» и туманное предупреждение Утюга Зуева. Сама синхронно делала в блокноте пометки: «+Утро-экспоз-Свет» и «Миз-Утюг2-?». Если глянуть в записи непредвзято, то ерунда выходила еще та, не запутаться бы самой. Может, это искомый минус?

Валька выслушал наблюдения и отозвался без особого энтузиазма.

– Негусто, боюсь пустой номер с Веером, но в галерею влезь, не помешает, – заключил он.

И стал меня тренировать для разговора с Ирочкой Корсаковой. Основной упор надо было сделать на дамский щебет по поводу её отношений с покойным Костей Рыбало-

вым. Слушать следовало до посинения и ни в коем случае не спугнуть Ирочку, если она разоткровенничается. Пусть мелет любой вздор, я должна слушать, ахать и охать, восклицать «Не может быть!» и любым способом её поощрять.

От общего русла беседы мне надлежало отделить два рукава и рискнуть двинуться по ним. Первый пункт-рукав: любые необычные интересы и заботы Кости Рыбалова в последний период. Второй, параллельный: Ирочкины соображения, куда и в какой компании Костя собирался на отдых незадолго до своей безвременной кончины.

– Вот и всё, ничего сложного, – заключил Валентин. – Справишься во сне. Имей в виду, Ирочка – милейшее существо, только будь с ней поласковее, от женщин она добра не видит, так что расслабься и вперед.

(К завершению инструктажа я освоилась с тем, что мир повернулся иными гранями и стала обживать среду обитания. Оказалось, что «дивный новый мир» вырос на базе старого, и почти все закономерности в нем остались прежними. Только прибавилось воздуха, света и объема, а в отдалении заиграла перспектива, как дальние горы на горизонте.)

Непосредственно на подъезде к клубу-ресторану "Ностальжи" я заметила тонкое личико и светящуюся шевелюру Иры Корсаковой – она сидела за столиком у окна, как бы демонстрируя себя на большом цветном экране. Зрелище и впрямь предстало обворожительное. Главная прелесть Ирины Корсаковой состояла даже не в общей изысканности об-

лика, а в прозрачно-серебристом свечении, оно исходило от светлого нимба волос или возникало произвольно в воображении зрителя. Так сияет тонкая весенняя ветка, пока без листьев, в неярком солнечном свете на фоне нежно-голубых небес.

Пока мы с Валькой представлялись и меняли диспозицию (спутник Ирочки пошёл поболтать с Валентином, а я устроилась напротив есть малиновое суфле), стало ясно, почему от женщин Ирочка добра не видит, то было немудрено. Рядом с нею любая женщина мгновенно оказывалась невидимкой, каждый встречный, включая официантов и прохожих на улице, зачарованно созерцал Ирочку и неохотно отрывался от этого занятия. Подле Ирочки иное создание женского пола не могло добиться мужского внимания иначе, как с большим усилием и ущербом для самолюбия.

– Как хорошо, Катюшечка, что вас привезли, – через несколько минут делилась Ира Корсакова.

Снискать её доверие труда не составило, бедняжка не была избалована женщинами и откликалась на простое дружелюбие.

– Так трудно говорить с ними, с мужиками, – Ирочка толковала мне, как доверенной подруге. – Я никогда не могу понять, чего от меня хотят. А особенно если по делу, всё равно не слушают, только едят глазами. Женщины ничем не лучше, тоже никто не слушает, но смотрят, будто я у них кусок изо рта вынула. А вы, Катюшечка, не такая, вы добрая!

Только ради Бога не говорите, что вы феминистка или лесбиянка, я их боюсь, прямо до содрогания. Вы вообще очень хорошенькая, и платье у вас – с ума сойти, откуда?

– Из Америки, в «Мэйси» была распродажа, это очень дорогой магазин, а вскоре они закрылись, – я подумала, что разговор о тряпках и магазинах способен подкрепить взаимные дамские симпатии.

Так и вышло, к середине малинового суфле мы с Ирочкой доверительно беседовали о бедном покойном Косте Рыбалове. Что он был такой добрый, такой щедрый, покупал всё, что Ирочка захочет, не жалел денег на её прихоти. Но при этом немножко рассеянный, чуть-чуть странный, всё время думал о другом, потом спохватывался и спрашивал, чего бы ей хотелось.

– Это в последнее время? – поинтересовалась я.

– Всегда был такой, немножко не от мира сего, в каких-то других делах. Оно и понятно, такая фирма, почти империя, я понимала, – объяснила Ирочка. – Он вообще мною не очень интересовался, хотя и ценил. Не как другие, они, наоборот, сначала очень интересуются, потом совсем не ценят. Можно, я вам, Катя, скажу откровенно? Костя и как женщиной, мной не очень интересовался, редко когда... Хотя давал всё, квартиру купил, хорошо обставил, обещал купить передачу на каком-то канале, а то эти ведьмы меня не пускают, завидуют. Он бы все сделал, если...

Тут Ирочка немного поплакала, но аккуратно, с кружев-

ным платочком, почти не попортивши искусного макияжа. Пока Ирочка удалялась в дамскую комнату восполнять ущерб, нанесенный слезами, подоспело объяснение её излишней откровенности, иногда заходившей за край.

– Ещё шампанского? – осведомился официант, возникший у столика на двоих. – У нас испанское, в бутылках по 0,3. Девушке очень понравилось, к десерту вполне подойдет.

По счету, как я поняла, платил Валька, значит и заказ шёл от него. Интересно, какую комиссию Ирочкин спутник, представленный как импрессарио, получал с каждой бутылки по 0,3, и участвовал ли в сделке официант?

Ирочка возвратилась ещё более лучезарной, чем отбыла, мы стали пить кофе, и её понесло в пучину скучных дамских историй, совершенно лишних для дела. Валька велел слушать внимательно, но не помогал никакой профессионализм, я отключалась автоматически после каждого «Ах, неужели?». Подозревая, что скоро бедняжку совсем развежёт, я влила в нее несколько чашек кофе, выслушала пару-тройку случаев из Ирочкиной жизни и спросила без оличностей.

– Ира, в последнее вы не замечали в Косте необычного? Скажем, новые интересы, новые люди, женщины?

– Женщина была старая, – охотно ответила Ирочка. – Всегда одна и та же, я её никогда не видела, встречалась только с дочкой. И знаете, я совсем не удивилась бы, вот ни капельки, если бы оказалось, что Костя хочет жениться не на маме,

а на дочке. Помните, как это у Набокова, в «Лолите»? Может быть, он от этого мучился в последнее время. Девчонке всего пятнадцать, очень миленькая, звала его «дядя Костя». А мамаша – это вообще фантом, что-то запредельное, не хочу о ней! А вот кстати, если я права, и Костя имел виды на дочку, то мамаша могла его заказать. Вы знаете, что девочка наследует половину Костиного личного капитала? Хотя это не много, основное было в деле, он сам говорил. Вторая половина пойдёт на благотворительность, а мне – чуть-чуть. Меня можно не подозревать, а вот её... Она и сама могла, я бы не удивилась. Или вот что. Эта самая Нина вдруг подумала, что Костя мог переписать завещание, им с дочкой – фига с маслом, а Костя возьмет и женится, хоть бы и на мне! Я могла согласиться, не думайте, он мне предлагал не раз и не два. Или, скажем, появилась еще одна женщина. Костя, он был большой дурачок, если честно... Вот скажите, с кем он собрался в Грецию? Не знаете, и никто не знает. Вы, Катечка узнайте, тогда всё станет ясно. Я-то думаю, что либо с дочкой Даречкой, либо с третьей женщиной, а за это она его...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.